

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФГБОУ ВО

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Институт искусств

Этническая хореография.
Малые народы Севера

Часть 1

Учебное пособие

Ломакин В.С.

Саратов 2019

Ломакин В.С.

Этническая хореография: Малые народы Севера Учебное пособие часть 1, Саратов 2019г,65с.

Учебное пособие разработано с учётом этнографических и культурных особенностей народов, проживающих, в основном, на Крайнем Севере. В нём рассматриваются обычаи, обряды, праздники, танцевальный фольклор северного региона. Пособие предназначено для студентов хореографических специальностей, преподавателей народно-сценического танца в средних и высших учебных заведениях

Рецензент:

Рахимбаева Инга Эрленовна,
доктор педагогических наук, профессор,
директор Института искусств СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Рекомендовано научно-методической комиссией Института искусств к размещению на сайте электронной библиотеки СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Ломакин В.С. 2019

ВВЕДЕНИЕ

Вступив в новое тысячелетие, общество все яснее осознает, что будущее России, ее новых поколений, во многом зависит от того, насколько мы сможем изучить, сохранить и развить неисчерпаемые источники национальной культуры, обогатить ее новыми традициями, обычаями, обрядами. Сегодня, как никогда прежде, особое внимание необходимо обратить на национальное достоинство и авторитет России в современном мире, вспомнить о богатейшем духовно-нравственном наследии, доставшегося нам от далеких предков. Выдающийся поэт Э. Межилайтис справедливо писал: «Культурные ценности, созданные многовековыми усилиями всего человечества, его коллективного разума и сердца. Они передаются по наследству. И тут не может таиться никаких сюрпризов, их нельзя разрушить. Можно только, так или иначе, относиться к ним в том или ином идейном аспекте, воспринимать культурные явления прошлого... Каждое новое поколение, являясь в жизнь, наследует их и, пополнив своей деятельностью, оставляет следующему поколению. Только для варвара нет ничего святого в том, что создали его прадеды и отцы» Песни, и пляски создавались народом на протяжении столетий. «Народ, оставляя в них только самое ценное, бесконечно совершенствовал и доводил до законченной формы - писал М.И.Калинин. - Ни один великий человек не может за свой короткий век проделать такой работы - это доступно только народу. Народ является и творцом, и хранителем всего ценного». Талант народа поражает своей духовной красотой, проявляющейся в творениях древнего зодчества, в предметах быта, костюмах, игрушках, в сказаниях, былинах, песнях и танцах. «Возрождение традиций народной художественной культуры, отмечала Т.И. Бакланова, - это путь духовно-нравственного исцеления и обновления нового общества» Особая роль здесь должна отводиться специальному образованию, которое дают во всех вузах культуры и искусства нашей необъятной России. Рассматривать каждый регион мы будем с географического положения, так как границы, территориальные и культурные, как правило, не совпадают. Невозможно определить разницу в бытовании между двумя населенными пунктами, находящимися в разных регионах. А это значит, что «любая национальная культура, по мнению И.Смирнова, питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других народов, и со своей стороны оказывает на них благотворное влияние, обогащая их». Прежде чем перейти к характеристике танцевального искусства отдельных регионов, необходимо уяснить для себя, что такое этнография и фольклор, их общие и отличительные черты.

Слово «Этнография» (греческое «этнос») переводится как «племя, народ»; «графия» - описание жизни и быта народонаселения, их материальной культуры, традиций и обычаев. Занятия этнографией дают ее исследователям возможность осмыслить художественные ценности, созданные в жизни и быту разных народов, выявить самобытность в народном творчестве различных регионов.

В настоящее время этнография разделена на несколько направлений, каждое из которых занимается изучением определенной отрасли.

Этническая история - наука, которая рассматривает исторические формы развития тех или иных этносов, их место и роль в истории различных стран, эпох, цивилизаций.

Этнопсихология - наука, исследующая психологические особенности различных народов; этнические модели и стереотипы поведения в природной и социальной среде; закономерности развития этнического сознания и т.д.

Этнопедагогика - наука, которая выявляет особенности системы воспитания у разных народов и их отношения к национальным традициям, формирует ценностное отношение к земле, природе, семье, народу. Развивает интерес к национально-культурным и культурно-историческим традициям разных народов мира.

Этнолингвистика - наука, изучающая особенности языка того или иного народа, исследует местные диалекты в их взаимосвязи с национальным характером и образом.

Этнокультурология, как самостоятельная отрасль культурологической науки, призвана исследовать широкий аспект культуры народов: духовно-нравственные и материальные ценности, становление и развитие национально - культурных традиций, проблемы социально-культурной политики, межнационального культурного сотрудничества и т.д.

Если этнография является описанием жизнедеятельности народонаселения, то фольклористика занимается сбором и систематизацией народного творчества.

Слово «Фольклор» в переводе с английского означает «народное знание, народная мудрость» (термин введен впервые в 1846 году английским ученым В.Томсоном для обозначения старинной поэзии, обрядов и верований). С течением времени этот термин стал интернациональным.

В России с начала XIX века использовали такие названия, как «народная словесность», «народная поэзия», «народное творчество», но неточность терминов определила появление в научном обиходе термина «фольклор», а дисциплина, изучающая фольклор, стала называться фольклористикой.

В силу того, что фольклористика обладает синкретичностью, она не может не быть связанной с этнографией.

Научный анализ структуры и всего стиля произведений фольклора (былин, сказок, песен, танцев) уже давно выявил наличие мастерства, которое бесспорно могло вырабатываться лишь путем выучки.

Во все времена в создании фольклора принимали участие «профессионалы» мастера художественного слова и скоморохи, сказители и «плакуши» на похоронах, «хороводники», «дружки» на свадьбах и «заводилы» на танцах.

Фольклористика постоянно пополняет «банк данных» о конкретных видах и жанрах народного художественного творчества, позволяющий на его основе определить общие и отличительные закономерности.

Деление России на этнические зоны, определенные к началу XX столетия в этнографии, наиболее полно отражает разнообразие танцевальных традиций и представляется наиболее подходящим для изучения региональных особенностей танца.

Фольклорный танец - это танец, исполняемый в какой-либо жизненной ситуации для себя, в свое удовольствие, при проведении любого обряда: трудового, семейного, календарного или народных посиделок, вечеров, гуляний, устраиваемых на улице, поляне, в лесу, в избе.

Фольклорный танец является мощным средством формирования и развития национальной культуры, так как он способствует нравственному и социальному возрождению народа. Исполнитель фольклорного танца может импровизировать, внося в танец что-то свое, новое.

Аутентичный танец - это подлинный танец, не подлежащий изменениям и импровизации, в отличие от фольклорного танца.

Данное учебное пособие может быть рекомендовано как студентам специальных учебных заведений, так и руководителям хореографических коллективов при подготовке репертуара.

Основной упор в данном учебном пособии мы сделали на изучении этнографии и танцевального фольклора народов Севера.

Малые народы Севера (также употребляется термин Коренные народы Севера) название коренных малочисленных народностей России, проживающих преимущественно на Крайнем Севере.

Ареал обитания крайне обширный, от долган и нганасан на Таймыре на севере до удэгейцев на юге, от чукчей и алеутов на востоке до ненцев и саамов на западе.

Правительством России предоставлены налоговые и иные льготы живущим традиционным способом общинам представителей малых народов Севера. Так, представители малых народов Севера могут не служить в армии и имеют льготы при получении высшего образования.

Численность народов в последнее время изменяется незначительно. Однако, количество носителей языков уменьшается из-за ассимиляции.

Как правило, дети от смешанных браков по ряду причин (социальные, политические) принимают национальность того родителя, который является представителем коренного северного народа.

К малым народам Севера относятся народы, внесённые в перечень коренных малочисленных народов России:

- Алеуты
- Алюторцы

- Вепсы
- Долганы
- Ительмены
- Камчадалы
- Кереки
- Кеты
- Коряки
- Кумандинцы

Коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации Indigenous peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation

Алеуты

В России алеуты живут на Командорских островах (острова Медный, Беринга), большая же часть их в США (Аляска, Алеутские острова). Язык эскимосско-алеутская семья языков. Язык предположительно обособился 3–4 тысячи лет назад и представлял собой один из древних диалектов эскимосского языка. На острове Беринга был распространен аткинский диалект алеутского языка, на острове Медном образовался новый диалект на основе аттовского диалекта и русского языка. При общении жители этих островов с трудом понимали друг друга. Этноним (от греч. ethnos "народ", onoma "имя":

самоназвание народа) медновских алеутов сасигнан, саскинан, беринговских унанган, негосис, негогахвс. Название "алеуты" укоренилось в начале XX века. Первая грамматика алеутского языка была составлена в начале XIX века на основе кириллицы. Особенности жизни командорских алеутов определялись изолированностью островов. До 1867 года их население продолжало работать на Российско-Американскую компанию: заготавливало пушнину, мясо и жир морских животных, сохраняя традиционную культуру.

Основное место занимали охота на морских животных с байдар и добыча котиков на суше. Промысел начинался в конце апреля. С весны до осени ловили рыбу. В середине июля охотились на птиц при помощи метательных копий (шати́н) и метательного снаряда (бола) связки ремней с каменными или костяными грузиками на концах. Раскрутив, бола бросали в стаю, и запутавшаяся в ремнях птица становилась добычей охотника. Отлавливали пернатых и на птичьих базарах большим сачком на длинном шесте (чируча), а также сетями. Зимой промышляли с берега тюленей. Морского бобра (калана) добывали в открытом море при помощи гарпуна метательного копья на длинной веревке; сивучей и моржей промышляли на лежбищах; нерпу заманивали на берег манком надутой нерпичьей шкурой, имитируя крик самки; на китов охотились с помощью копья, кончик которого смазывали ядом аконитом. Через 2–3 дня море выбрасывало на берег тушу животного. Гарпуны и копия бросали с помощью копьеметалок деревянных дощечек длиной 50–70 сантиметров с продольным желобком, углублениями для пальцев на одном конце и костяным упором на другом. Были известны также лук, стрелы и ружья. Важную роль в морской охоте играли байдара, плоскодонная лодка с деревянным каркасом, обтянутая сивучьей или нерпичьей кожей, и каяк закрытая кожаная лодка с деревянным каркасом и отверстием-люком, куда садился охотник (прообраз спортивной байдарки). Управляли ею двухлопастным веслом. С появлением огнестрельного оружия стали делать двухлючные байдары (во время стрельбы второй гребец должен был удерживать равновесие). Распространились и некоторые нехарактерные для культуры алеутов приспособления для передвижения. На острове Беринга, например, появились нарты (сани) с собачьими упряжками, на острове Медном короткие, широкие лыжи, подбитые шкурой нерпы. Из камня мужчины изготавливали ножи, топоры, наконечники для стрел и копий, сосуды для приготовления еды, жировые лампы с фитилем из мха для освещения и обогрева жилища. Женщины шили и вышивали одежду, изготавливали обтяжки для байдар, плели циновки и корзины. Женским универсальным орудием труда была пекулка широкий короткий и слегка изогнутый нож. Иглы делали из птичьих костей.

Селения располагались на морском побережье, часто в устьях рек и состояли из двух-четырех больших полуземлянок (улягамах). Для них выбирали высокие, открытые места, чтобы удобно было наблюдать за морскими животными и приближением врагов. Полуземлянки строили из плавника, сверху покрывали сухой травой, шкурами и дерном. В крыше оставляли несколько четырехугольных отверстий для входа, забирались туда по бревну с зарубками. Жилище вмещало от 10 до 40 семей. Внутри вдоль стен сооружали нары. Каждая семья жила на своей части нар, отделенных друг от друга столбами и занавесками. Под нарами хранили утварь. Летом переселялись в отдельные легкие постройки. В XIX веке традиционная полуземлянка видоизменилась: стены и крышу, сделанные из жердей и досок, обкладывали дерном. Наверху находился люк для освещения, сбоку выход через небольшие сени. Освещали жилища жировыми лампами,

иногда клали печи. Наряду с традиционной утварью пользовались привозной посудой фабричного производства.

Традиционной одеждой была парка длинная глухая (без разреза спереди) одежда из меха морского котика, калана, птичьих шкурок. Поверх нее надевали камлейку глухую непромокаемую одежду из кишок морских животных с рукавами, глухим закрытым воротом и капюшоном (прообраз европейской ветровки). Края капюшона и рукавов затягивали шнурками. Парки и камлейки украшали вышитыми полосами и бахромой. Сохранились традиционные промысловые куртки с капюшонами из сивучьих кишок и горл, штаны из нерпичьей кожи. Мужская и женская одежда полностью совпадала по крою и украшениям. Позже появился новый тип одежды бродни штаны из сивучьих горл, к которым пришивали непромокаемые торбаса мягкие сапоги из кожи морских животных. В повседневной жизни носили европейскую одежду. Промысловыми головными уборами были деревянные шляпы конической формы (у вождей тоёнов) либо без верха, с сильно удлиненной передней частью (у простых охотников), богато украшенные полихромной росписью, резной костью, перьями, сивучьими усами. Их надевали на капюшон камлейки. Шляпы выдалбливали из целого куска дерева, затем распаривали и, придав нужную форму, расписывали в яркие тона с причудливым орнаментом. С боков и сзади украшали резными пластинками из моржового клыка, гравированными геометрическим орнаментом, в который втирали краску. На вершину задней пластинки, служившей одновременно и верхушкой шляпы, крепили костяную фигурку птицы или зверя. В боковые отверстия пластинки вставляли 50-сантиметровые сивучьи усы, количество которых зависело от охотничьего достоинства владельца. Эти головные уборы носили только мужчины. Празднично-обрядовыми головными уборами служили шапки разнообразной формы из кожи и птичьих шкурок с украшениями, кожаные повязки с узорными швами. Неотъемлемая часть праздничного убранства ожерелья, ручные и ножные браслеты, вставки и подвески в отверстиях, проделанных в губах и возле губ, а также в носу, по краям ушной раковины и в мочке уха. Их изготавливали из кости, камня, деревянных и сланцевых палочек, перьев, усов морского льва, травы и корней растений. Алеуты наносили татуировку и раскрашивали лицо и тело, однако с началом контактов с русскими эта

Среди алеутов было распространено шаманство, в мифологии которого бытовали представления о разных мирах. Шаманский костюм, как и у некоторых народов Сибири, символизировал птицу. Помимо анимизма и шаманства существовала также охотничья магия (от греч. *mageia* "колдовство", "волшебство"), заключающаяся в обрядах вызывания зверя, в особых охотничьих запретах и ношении амулетов, охраняющих владельца. В конце XVIII века алеуты, испытав сильное влияние русской культуры, были обращены в православие. Распространилось школьное обучение, двуязычие. Появились религиозные книги, переведенные на алеутский язык. Характерно, что некоторые аборигены стали миссионерами. Алеуты до сих пор остаются стойкими приверженцами православия, религиозные обряды исполняют на русском и алеутском языках.

Умерших хоронили в сидячем положении. В небольших углублениях среди скал размещали родовые погребения. Туда же клали орудия труда покойного, оружие, посуду, ритуальные маски и личные амулеты (предметы, обладающие сверхъестественными, магическими свойствами). Знатных людей хоронили вместе с рабами в пещерах, у входа

ставили раскрашенный столб или подвешивали тела покойных в корзинах между двумя столбами. Умерших бальзамировали. Один из основных праздников, праздник зимнего солнцестояния сопровождался плясками, драматическими представлениями охотничьих сцен и мифологических сюжетов, раздачей подарков. Обряды, предшествовавшие охотничьему сезону, славились пантомимами и танцами под пение и бубен. Исполнители надевали специальные головные уборы и деревянные маски.

Фольклор недостаточно изучен, фундаментальных его исследований не вели. Существуют сказки, героический эпос (повествование), или богатырские сказки, рассказы о древних обычаях, бытовые рассказы, песни, поговорки и загадки. Большинство сказок основано на мифологических сюжетах. Наиболее распространены мифы о духах животных покровителях и этиологические (объясняющие причину возникновения различных явлений) предания о первоначальном бессмертии людей, происхождении людей от упавшей с неба собаки и др. Героический эпос включает предания о родоначальниках, о борьбе с людоедами, о переселении людей с материка на острова, рассказы о походах восточных групп алеутов на запад, о кровной мести, приводившей к жестоким войнам, и др. Бытовые рассказы повествуют о поездках на промысел, путешествиях; предания о беглых алеутах, скрывавшихся от русских в пещерах, в далеких путешествиях; сатирические сюжеты об охотнике, умершем от обжорства внутри кита. Во многих сюжетах отражены традиционные семейно-родственные отношения: неверность мужа или ревнивой жене, сожительство героя с женой двоюродного брата, враждебные отношения зятя с шурином (братом жены) и др. Песенный фольклор был чрезвычайно развит. На праздниках мужчины под звуки бубна воспевали подвиги предков, удальство в промысле, ловкость в управлении байдарой. Во время игр, обрядовых действий и исполнения сказок пели под аккомпанемент многострунной щипковой мечевидной цитры (чаях), которую позднее заменила гитара. Историю традиционной и современной хореографии алеутов Командорских островов можно разделить на три периода. Хореографическая культура алеутов первого периода (с 1826 по 1867 год), переселенных с Лисьевских, Андреяновских островов на остров Беринга, с островов Атту и Атхи на остров Медный, мало чем отличалась от традиционной хореографической культуры алеутов Алеутских островов. Сохранялись традиционные орудия промысла, транспорт, жилище, одежда, головные уборы, обувь, украшения. Бытовали легенды, сказки, танцы, сопровождаемые песнями и игрой на национальных инструментах.

Традиционное хореографическое искусство алеутов в этот период состояло из многочисленных танцев, исполняемых на торжественных и общих праздниках (как правило, они были ритуальными или обрядовыми), и из танцев для простых и частных торжеств (сольных, имитационно-подражательных и развлекательно-игровых). Существовали и культовые пляски пляска для творца «Агу'гук'» всего видимого и невидимого. Шаманы в масках и личинах с помощью одних плясок вызывали души умерших воинов, охотников и родственников; с помощью других духов, действующих на человека в пользу и во вред. Отдельные пляски посвящались духам промысливаемых морских зверей и птиц, встречались пляски очищения огнем (пляска шамана перед зажженным светильником). Исполняя самые древние тотемные пляски, алеуты перевоплощались в морских животных и птиц, подражая их пластике. Пляску всегда начинали мужчины с запева и игры на бубнах. Женщины подхватывали и продолжали.

По тому, как использовались обрядовые ритуальные пляски, их можно разделить на мужские и женские, общие и индивидуальные, стоячие и сидячие. Сидячие танцы-инсценировки наиболее древние, в них «танцевала» верхняя часть тела, голова, руки и лица. Стоячие отличались пружинистыми движениями на полусогнутых ногах с наклоном корпуса вперед, резкими поворотами, различными положениями рук. Пляски в основном были сольными или малочисленными два-три участника. Исполнялись они, как правило, в закрытых помещениях бараборках (полуподвальных жилищах алеутов), реже на открытых площадках, специально для этого предназначенных. Из-за пространственной ограниченности бараборки в праздниках и представлениях не могло участвовать большое число исполнителей. Второй период в развитии хореографического искусства командорских алеутов начинается с завершением деятельности Российско-Американской компании в 1867 году. Три года «беспризорности» были ужасными. На Командоры хлынули предприниматели, купцы, авантюристы. Они за бесценок получали пушнину и шкуры морских зверей, предлагая взамен неходовые промышленные товары, спаивали местных жителей. Это подтверждал в 1910 году журналист и камчатский уездный начальник А.П. Силицкий: «Алеуты самый бедный народ в мире, уже вымирающий. Причина та, что общество попросту обманывает алеутов, снабжая их за добытых зверей всякой дрянью, например духами, граммофонами, побрякушками, а затем спиртом, ромом, виски и прочими горячительными напитками, хотя ввоз их на острова запрещен. Расплата за зверей товарами, таксируемыми как бог на душу положит, а главное спаивание инородцев вот корень их бедности». Третий период в истории хореографического искусства Командорских островов можно разделить на две части. Первая началась с 1923 года, когда на Командорских островах после ликвидации иностранной интервенции установилась советская власть. Танцы в этот период на островах приняты такие же, как на Камчатке: «Восьмера» и «Кадриль». Древний национальный алеутский танец теперь помнят только старики

В начале 60-х годов XX века на Командорских островах работают многочисленные экспедиции с участием этнографов, лингвистов, фольклористов, языковедов, музыковедов, историков. Этот период характеризуется бурным подъемом и развитием культуры самих алеутов. В этих экспедициях фиксируются национальные песни на алеутском языке, разнообразные игры, сказки, рассказы, танцы-инсценировки, имитационно-подражательные танцы. Лингвист Г.А. Меновщиков фиксирует два диалекта беринговский и медновский, на основе которых формирует алеутско-русский словарь. Вторая часть третьего периода начинается с 1970 года, когда на Командорских островах был организован Алеутский национальный район. Для укрепления темпов экономического развития на острове Беринга в селе Никольском сосредотачиваются все производство и все население Командорских островов. В результате село Преображенское прекращает свое существование, а на острове Медном производятся только сезонные работы. Качественно новый этап в развитии хореографического искусства коренного населения Командорских островов ознаменовался появлением сценических танцев. Открывались хореографические отделения в музыкальных школах, национальные клубы по интересам, формировались фольклорные ансамбли. Работая с ансамблем «Унанган» («Алеут»), мне пришлось тщательно изучить все сохранившиеся танцы. Их можно разделить на три группы.

- I. Национально-ритуальные Чачкух', Ух'удух'», Силитих', К'аг'анадах' исполняются под горловые выкрики х'и-х'и, х'а-х'а, х'а-х'а, х'и-х'и, удары в ладоши и аккомпанемент национального бубна чайах'.
- II. Танцы, заимствованные алеутами у других народов. Они в свою очередь делятся на заимствованные, но переработанные и имеющие алеутское название (Тулукызах', Карагох', Баланс), и заимствованные, но сохранившие свое первоначальное название (Восьмера и Кадриль). Тулукызах' танцевали только на острове Медном. Состоит из шести частей-фигур, по своему построению напоминает кадиль.
- III. Карагох' (от старорусского слова карагот хоровод) шуточный алеутский танец. Первой серьезной работой фольклорного ансамбля «Унанган» была постановка вокально-хореографического представления «О злом Амкитух'е и добром охотнике Майг'нах'е» по алеутской легенде «Тиглам кануги» (Сердце орла).
- IV. Позже были разработаны и поставлены сценические танцы Ух'удух' («Танец с жирниками»), Чачкух' («Пояс»), «Сражение», К'аг'анадах' («Танец радости»), Саранам таягуниш («Мужчины с Саранного озера»), Алеуточка.

Предлагаем вниманию наших читателей песенно-танцевальную картинку, созданную по мотивам алеутской легенды, в которой повествуется о том, как рыбаки ловили рыбу, а поймали прекрасных девушек.

САРАНАМ ТАЯГУНИШ

(Мужчины с Саранного озера)

Запись и постановка танца В. Нилова

Музыка народная

В композиции участвуют шесть человек — три девушки-рыбы и трое юношей-рыбаков. Музыкальный размер 4/4.

Костюмы исполнителей

Костюм девушки — платье цельнокроеное, с длинными рукавами, приталенное, книзу расширяющееся. Ворот, верхняя часть груди и спины отделаны национальным орнаментом из бисера, тесьмы, полосок меха.

Головной убор — из меха темно-коричневого цвета с небольшим возвышением спереди, орнаментирован тесьмой в нижней и центральной части, концы тесьмы свисают сзади, к ним привязываются клювы морских птиц — топорков. Головной убор напоминает голову птицы.

Костюм юноши — рубашка из плотного материала бордового цвета, прямого покроя и не очень длинная. Воротник — стойка. Ворот, верхняя часть груди и спины орнаментированы так же, как женское платье. Брюки светло-кофейного цвета, отделанные понизу орнаментом, ленточками, кусочками кожи.

На ногах у исполнителей торбаза (сапожки) из меха сивуча.

Описание танца

На сцене женщины. Они поют алеутскую песню, сопровождающую танец:

С Саранного жду я мужчин,

Хочу скорее встретиться с ними.

Сверху идут мужчины,

Здоровые, веселые, сильные,

Возвращаются домой.

Парень любит одну девушку,

Но не знает, будет ли она его.

Они любили друг друга,

Но пока парень был на промысле,

Девушку отдали замуж за другого.

И все-таки у парня есть надежда,

Что они останутся вместе.

Перед началом танца партнеры стоят с правой стороны за кулисами: первый юноша — у верхнего правого угла, второй — во второй кулисе, третий — у нижнего правого угла. Девушки стоят с правой стороны у второй кулисы друг за другом.

Первая фигура (8 тактов)

1—4-й такты. Юноши выходят простым шагом с носка правой ноги на середину сцены и останавливаются по диагонали, имитируя, что в левой руке у них дощечка с леской, в правой — крючок с грузилом.

5-й такт. Танцующие поворачиваются через левое плечо и одновременно делают взмах: забрасывают леску с грузилом в воду (рис. 1).

6—8-й такты. Юноши отходят назад, имитируя вытягивание закинутой лески с грузилом из воды. Одновременно девушки, взявшись за руки, на полупальцах появляются на сцене (рис. 2).

Вторая фигура (8 тактов)

1—2-й такты. Юноша, стоящий крайним с левой стороны, кладет перед собой на землю свою дощечку с леской и приглашает на танец понравившуюся ему девушку.

3—4-й такты. Первая образовавшаяся пара исполняет движение 1 лицом к зрителю. В это же время образуются еще две пары (рис. 3).

5—8-й такты. Все исполняют движение 1; взявшись за руки, двигаются от правых кулис к левой и выстраиваются в линию (рис. 4).

Третья фигура (8 тактов)

1—4-й такты. Юноши и девушки, взявшись за руки, линейнообразно движением 2 двигаются вперед, затем на последнюю четверть 4-го такта делают поворот через левое плечо.

5—8-й такты. Этим же движением двигаются назад (рис. 5).

Четвертая фигура (8 тактов)

1—8-й такты. Танцующие исполняют петлю. Движением 3 (зигзаг) имитируют движение вытаскиваемой рыбы (рис. 6), на конец 8-го такта выстраиваются по диагонали (рис. 7).

Пятая фигура (8 тактов)

1—4-й такты. После движения «зигзаг» девушки как бы срываются с крючка, пытаются скрыться в воде, уплыть. Они быстро образуют из линии полукруг и приседают справа на авансцене (рис. 8).

5—8-й такты. Юноши в недоумении, но, быстро сориентировавшись, берут в руки дощечку с леской, раскручивают ее, забрасывают в воду и вновь вытаскивают «рыбок», каждый себе в пару (рис. 9).

Шестая фигура (8 тактов)

1—4-й такты. Танцующие исполняют движение 4 в паре вправо.

5—8-й такты. Партнеры повторяют исполненное движение влево.

Седьмая фигура (4 такта)

1—4-й такты. Юноши и девушки, исполняя движение 2, уходят в глубь сцены, расходясь парами за кулисы.

Описание движений

Движение 1. Основной ход с покачиванием из стороны в сторону — волна (1 такт).

Исходное положение — шестая позиция ног. Руки опущены. Партнеры стоят лицом к зрителям.

На счет «раз — и» — шаг правой ногой в сторону, перенос тяжести тела на правую ногу.

На счет «два — и» — перенос тяжести тела с правой ноги на левую.

На счет «три» — перенос тяжести тела с левой ноги на правую.

На счет «и» — шаг накрест левой ногой через правую.

На счет «четыре» подставить правую ногу к левой в шестую позицию на полупальцы.

На счет «и» — маленькое приседание в шестой позиции.

Движение исполнять легко, раскачиваясь из стороны в сторону, делая одновременно головой движения вправо, влево, через низ, вверх, вниз.

Движение 2. Ход вперед с поворотом (4 такта)

Исходное положение — шестая позиция ног. Руки внизу соединены. По мере движения руки поднимать вверх перед собой на уровне головы, повернув корпус направо, левая рука каждого исполнителя согнута в локте, правая рука вытянута и лежит на левом плече впереди стоящего лицом к зрителю исполнителя.

1-й такт. На счет «раз — и» — шаг с правой ноги вперед.

На счет «два — и» — шаг с левой ноги вперед.

На счет «три» — шаг с правой ноги вперед.

На счет «и» — поворот вправо на 90° , подставив левую ногу к правой в шестую позицию на полупальцы.

На счет «четыре — и» медленно опуститься с полупальцев в небольшое полуприседание лицом к зрителю.

2-й такт. На счет «раз — и» развернуться к зрителю, сделать шаг с левой ноги вперед.

На счет «два — и» — шаг с правой ноги вперед.

На счет «три» — шаг с левой ноги вперед.

На счет «и» — поворот влево на 90° , подставив правую ногу к левой в шестую позицию на полупальцы.

На счет «четыре — и» медленно опуститься с полупальцев в небольшое полуприседание лицом к зрителю.

3-й такт. На счет «раз — и» исполнители поворачиваются через левое плечо и, начиная движение 2 с правой ноги, продвигаются в глубь сцены.

На счет «два — и», «три — и», «четыре — и» движение повторяется, как в 1-м такте.

4-й такт. Движение повторяется сначала.

Движение 3. Зигзаг (1 такт)

Исходное положение — шестая позиция ног.

За такт — подняться на полупальцы обеих ног.

На счет «раз» — шаг левой ногой в сторону по линии танца, опуститься с полупальцев в небольшое приседание.

На счет «и» — шаг с правой ноги, поставить ее сзади накрест левой, одновременно подняться на полупальцы и поднять левую пятку.

На счет «два — и», «три — и», «четыре — и» повторить исполненное на «раз — и».

Движение повторяется четыре раза.

Движение 4. Припадание в паре (2 такта)

Исходное положение — шестая позиция ног. Руки опущены вниз, кисти немного приподняты. Исполнители стоят друг против друга.

Затакт — танцующие пары поднимаются на полупальцы обеих ног по шестой позиции.

1-й такт. На счет «раз» — шаг правой ногой в сторону по кругу, опуститься с полупальцев в небольшое приседание.

На счет «и» левую ногу поставить сзади накрест правой ноги, одновременно подняться на полупальцы и поднять правую пятку.

На счет «два — и», «три — и», «четыре — и» повторить исполненное на счет «раз — и».

Движение повторяется четыре раза. В ходе движения по кругу танцующие пары меняются местами.

2-й такт. Затакт — танцующие пары поднимаются на полупальцы обеих ног по шестой позиции.

На счет «раз» — шаг с левой ноги в сторону по кругу, опуститься с полупальцев в небольшое приседание.

На счет «и» правую ногу поставить сзади накрест левой ноги, одновременно подняться на полупальцы и поднять правую пятку.

На счет «два — и», «три — и», «четыре — и» повторить исполненное на «раз — и». Движение повторяется четыре раза. Двигаясь парами по кругу в противоположную сторону, партнеры приходят к исходному положению.

Ненецкая легенда

Давно это было, когда ещё Ветер с Луной на Савдейских сопках чай пили, а лебеди им воду в чайниках приносили. Жили в ту пору двое молодых ненцев. Одного люди звали Мерчяхад - Буранный Ветер. Второй имел имя Нерминдя - Вперёд Идущий. Полюбили они одну девушку, красавицу Аркату - Большой Очаг. Пришли к ней. Вот, говорят, выбирай в мужья кого-то из нас. Задумалась она: оба красивые, оба пригожие. Кого в мужья выбрать? И решила так - пусть состязание между ними покажет, кто сильнее и ловчее. Победитель войдёт в свой чум с молодой женой.

Стали женихи состязаться. Тынзем1 оленей ловить. Это же самое главное для тундровика - оленя из стада выловить. Мерчяхад вроде посильнее, накинёт тынзей на рогача, тот, как вкопанный, стоит. А если дёрнется, он его рывком на землю валит: Но Нерминдя половчее

оказался. Когда Аркату из ружья в воздух выстрелила, заканчивая их состязание, то у него больше пойманных оленей оказалось.

Обозлился Мерчяхад. Бросил Тынзей - за сопку его закинул. И сказал сопернику:

- Попробуй-ка так же!

Три раза кидал свой тынзей Нерминдя - не смог его до тынзея Мерчяхада докинуть. Невеста на следующую осень состязание перенесла.

И вот год прошёл. Снова женихи спор ведут. Пойманных оленей посчитали - поровну. Мерчяхад свой тынзей к дальнему болоту закинул. И тынзей Нерминди рядом упал. Тогда Мерчяхад и говорит:

- Свяжите мне ноги:

Со связанными ногами в три прыжка через болотце перескочил. Крепкие ноги у Мерчяхада! Сопернику кричит:

- Теперь ты прыгай!

А Нерминдя знает, что у него так ловко не получится. Что же делать? Видит, что возле чума четыре нарты стоят. Стал через них туда-сюда прыгать. Сто раз прыгнул! А когда Мерчяхад начал прыгать, на сороковом прыжке промахнулся. Нарту разломал и сам захромал!.. опять никто не победил. Пришлось невесте новый срок назначать.

Новая осень пришла, женихов на состязание позвала. И опять они во всём равны. Оленей ловко ловят. Тынзей далеко бросают. Двумя ногами в три прыжка через нарты прыгают. Ни в чём друг другу не уступают. И тут над ними гусиная стая летит, от зимы улетает.

- Эй, Мерчяхад! - кричит Нерминдя. - попади топориком в гусиное крыло!

Кинул Мерчяхад топорик - и промахнулся. Сверкнул он недобрым глазом и говорит:

- Эй, Нерминдя! Если ты топориком достанешь с неба птицу, невеста твоей будет:

Сказал так - и проиграл. Не знал, что его соперник всё лето топорик бросать учился. Мерчяхад от злости в буранный ветер превратился. Всё по тундре летает, за обиду отомстить хочет. Всякого, кто впереди идёт, с ног сбить старается. Если в чум ворвётся, очаг без огня оставит. Но бессилен ветер перед человеком, для которого тундра - отчий край.

Алюторцы

Алюторцы (алютор. alutal'u) этническая группа из числа официального списка коренных малочисленных народов Севера России. В последние годы фактически прекратила своё существование как отдельный народ. Живут на севере Камчатского края. Традиционный язык алюторский, впоследствии перешли на русский. В основном считались субэтнической группой коряков. Этническое своеобразие алюторцев формировалось под значительным языковым и культурным влиянием коряков и эскимосов. Основные религии шаманизм, культы предков, духов.

Традиционное хозяйство алыторцев сочетало оленеводство с рыболовством и морским зверобойным промыслом. Рыболовством занимались в летнее время, с середины июня до середины сентября, а во время наибольшего хода рыбы переселялись на устья рек. Основная часть рыбного улова шла на юколу основную пищу алыторцев, которой кормили также и собак, использовавшихся как ездовые животные. Морским промыслом занимались в весенний и осенний сезоны. Использовали мясо и жир морского зверя, употребляя в пищу либо сразу, либо делая из них запасы, а жир также служил и для освещения. Продукты морской охоты также обменивали на олени шкуры и мясо. С декабря по февраль охотились на пушного зверя. Занимались также мелкотабунным оленеводством.

Вепсы

Вепсы (вепс. *vepsläižed*; официально до 1917 чудь малочисленный финно-угорский народ, традиционно проживающий на территории Карелии, Вологодской и Ленинградской областей в России. Самоназвания *vepsä, bepsä, vepsläižed, bepsaažed, lüdinikad*. До 1917 года вепсы официально именовались чудью. Этноним «вепсы» распространяется уже в современное время. В деревнях в бытовой русской речи также употреблялись названия «чухари», «кайваны» (которые часто имели шутливо-иронический оттенок). Выделяются три этнографические группы вепсов северные (прионежские) вепсы на юго-западном побережье Онежского озера (на юге Карелии (бывшая Вепсская национальная волость со столицей в селе Шёлтозеро) на границе с Ленинградской областью); средние (оятские) вепсы в верхнем и среднем течении р. Оять, в районе истоков рек Капша и Паша (северо-восток Ленинградской области и северо-запад Вологодской области) южные вепсы на южных склонах Вепсовской возвышенности (восток Ленинградской области и северо-запад Вологодской области).

Всей хозяйственной и обычной жизнью большой семьи руководил её глава старейший мужчина, дед или отец *ižand* (хозяин). Его жена *emağ* (хозяйка) ухаживала за скотом (кроме лошадей), домом, готовила пищу, ткала и шила одежду. В основном жизнь вепского крестьянина была связана с ведением сельского хозяйства. Вепсы выращивали рожь, ячмень, овёс, горох, бобы и небольшое количество пшеницы и картофеля. Из технических культур лён, хмель, из овощных репу. Позднее стали сажать лук, брюкву, редьку, капусту, морковь, картофель. Животноводство играло подсобную роль. Оно сдерживалось из-за недостатка сенокосных угодий. Разводили коров, лошадей, овец. В среднем хозяйстве обязательно имелась лошадь, 2-3 коровы, овцы. В крепких хозяйствах северных вепсов держали 4-6 лошадей с выездной парой, 12 коров, стадо овец. В деревнях оятских вепсов (Пелдуши, Бахарево) в конце XIX в. разведение племенного скота, его закупка в близлежащих деревнях и отгон для продажи в Петербург стало особым промыслом и давало населению значительные доходы. Рыбная ловля, а также сбор грибов и ягод имели большое значение для внутрисемейного потребления. Со второй половины XVIII века развилось отходничество лесозаготовка и сплав, бурлачество на реках Свирь, Нева и др. На реке Оять был развит гончарный промысел. В советское время у северных

вепсов получила развитие промышленная разработка декоративного строительного камня, животноводство приобрело мясо-молочное направление.

Мужским занятием являлось изготовление разнообразных изделий из дерева, бересты, плетение из ивовых и еловых корней. Они делали деревянную кухонную утварь, предметы рукоделия ткацкие станы, прялки, пяльцы и др. Деревянные изделия для рукоделия обычно украшали резьбой. Женщины занимались ткачеством, шитьем одежды и вышивкой. Традиционные жилища и материальная культура близки к северорусским; отличия: Т-образная планировка связи жилой части с крытым двухэтажным двором; так называемое финское (у стены фасада, а не в переднем углу) положение стола в интерьере избы.

Древнейший (предположительно с XI в.) комплект девичьей и женской одежды, преобладавший в Прионежье и на Ояти, состоял из рубахи и юбок. Ниж. часть рубахи (rassiu) – станушка (eta) шилась из грубого льняного полотна, а верхняя (hijat) в кон. XIX в. уже из фабричной ткани. Бытовали различные типы рубах: широкие рукава одних шились с ластовицей и собирались чуть ниже локтя в мелкую сборку, обычно они пришивались либо к вороту, либо к прямоугольной кокетке. По праздникам рукава таких рубах украшали широкими цветными лентами с бантом. Другой тип рубах имел круглую вставку «воротушку». Подолы украшались монохромной красной вышивкой двусторонним швом. Нижние юбки (rounasine jurk) из нескольких полотнищ льняной домотканины с вышивкой на подоле присборивались у пояса. Верхние полушерстяные или шерстяные юбки имели продольно или поперечнополосатый рисунок с цветной каймой, края иногда достигала 2/3 всей длины. У южных вепсов подол праздничной верхней юбки затыкали за пояс так, чтобы была видна орнаментированная часть рубахи. Северные вепсы надевали по праздникам несколько рубах так, чтобы вышитые подолы располагались один над другим. Поверх юбок носили ремни или передники с поясами. Предполагают, что предшественницей юбок у В. была несшитая поясная одежда *hurstuhame* «юбка из дерюги», родственная подобной у ижоры и карелов. Более поздний сарафанный комплект женской одежды включал синий, кубовый сарафан – *krasik*, *sarafon*, к-рый в нач. XX в. носили уже только пожилые женщины. На смену юбочному и сарафанному наряду пришла т.н. парочка, состоявшая из верх.кофты-казачка и юбки из фабричных тканей. В качестве украшений носили стеклянные бусы, металлич. кольца и серьги; из старинных шейных украшений борки и бусы из белемнитов. Головные уборы замужних женщин сороки, сборники, повойники шили из ярких шелковых, парчовых тканей, с очельем и затылочной частью, украшенными вышивкой из золотых нитей с бисером и блестками. Для одежды девушек и молодых была характерна богатая вышивка с растительным, орнитоморфным узором на подолах рубах и юбок. Мужской костюм состоял из рубахи и штанов. Дополнялся шейными платками. Рубахи-косоворотки (*kossarind*) шились из пестряди. На свадьбу жених надевал белую льняную рубашку и белые порты с бахромой по низу штанов, украшенные двусторонней красной вышивкой. Непременные детали мужского и женского костюма плетеные и тканые пояса с кистями на концах; холщовые паголенки *kalzud*, обвязанные вокруг ног тонкими ткаными тесемками или веревками; вязанные одной иглой шерстяные рукавицы и носки сохраняются до настоящего времени. Зимой носили зипуны из шерстяных и полушерстяных тканей, балахоны (*balafon*), кафтаны, кофты, штаны. Женщины надевали

поверх головного убора теплые платки. Осенней обувью были сапоги, а для работы летом берестяные лапти (virzud) и ступни. Многие компоненты костюма обладали сакральной функцией. Оберегами были пояса, их носили постоянно под одеждой; известно употребление новобрачными пояса из сети с амулетом из высушенной щучьей головы; расстиланье пояса в первый день весенней пахоты и др. Сложный символический характер имели обычаи вытирать новобрачную подолом рубахи свекрови, заворачивать новорожденного в рубаху отца или матери, гадания с обувью и многое другое. До сих пор сохраняется обычай шить похоронную одежду из светлой (белой) ткани. Особенность женской традиционной одежды преимущественно юбочный комплект (юбка и кофта) наряду с сарафанами. Традиционная вепсская домотканая одежда не изготавливается с начала 30-х годов. Распространенным стал общегородской костюм. В былые времена вепсы ходили на работу в штанах и коротком кафтане, надетых сверху белья. Женская одежда была по крою идентична с мужской, только под низ обязательно надевались рубаха (рящин) и юбка. Вепсы, народ (фото представлены в данном материале), проживающий в Карелии, на праздники одевались нарядно. Женщин можно было увидеть в ярких кофтах-казачках и юбках с фартуками. В качестве головного убора служил платок, а замужние представительницы слабой половины человечества обязательно должны были носить еще и повойник. Обувь преобладала кожаная, берестяные лапти, или вирзут, использовались только для работы. Покрой и материал, используемый для пошива одежды, очень близки к северновеликорусским, но со многими довольно самобытными чертами. Так, в сарафанах можно было увидеть только вепсов, проживающих на юге Карелии, а вот женщин Прионежья в продольно-полосатых юбках. Мужчины зимой носили шапки из меха зайцев и шейный платок (каглан пайк). Сегодня народную одежду не носит народ вепсы, национальный костюм сохранился только у пожилых людей. Из традиционного по-прежнему используются головные платки, полусуконные кафтаны, шерстяные юбки и вязаные изделия.

Ржаной хлеб являлся одним из основных продуктов на вепском столе. Детей с малолетства кормили ржаным хлебом, крошеным в молоко. Ржаная мука использовалась для самой излюбленной выпечки калиток (kalitkad), сканцев (korostad), рыбников (kalakurnik). Другой известный вид вепской выпечки пироги для зятя. Сканец для них раскатывали из пшеничного теста, а начиняли толокном, рассыпчатой пшенной кашей, сахарным песком. Затем их жарили в сливочном масле. Пироги для зятя готовили сразу при входе в дом сватов; а сладкими пирогами теща угощала молодого зятя при его первом посещении дома своей жены после свадьбы. Рыба у вепсов, проживающих на побережьях озер и рек, занимала важную роль. Из неё круглый год готовят уху, вялят, сушат в печах. Самой популярной едой из рыбы являлись пироги-рыбники. Мясо появлялось на столах вепсов довольно редко. Скот забивали поздней осенью, мясо засаливали в бочках. Одним из старинных способов его заготовки впрок являлось вяление. Солёное мясо, завернутое в старые сети, вывешивали в начале весны на специальной перекладине на фронте избы. Летом его перевешивали на чердак, где оно хранилось до двух лет. До 1917 сохранялись архаичные социальные институты сельская община (суйм) и большая семья. Семейные обряды сходны с северорусскими; отличия: ночное сватовство, ритуальное съедание молодыми пирога-рыбника в составе свадебной церемонии; два типа похорон с причитаниями и с «веселением» покойника. В XI—XII веках среди вепсов распространилось православие, однако долго сохранялись

дохристианские верования, например, в домового (*per'tižand*), в обереги (одним из них служила челюсть щуки); больные обращались за помощью к знахарю (*noid*). Многие исследователи вепсского народа отмечают, что у вепсов отмечается сочетание христианского и языческого мировоззрений. Самым известным среди духов-хозяев у вепсов был хозяин леса *mecižand*. Его также называют *mecanuk*, *mecanmez'*, *meciine*, *korbiine*. Он живет с женой *mecanak*, *mecanemäg*, а иногда и с детьми. Чаще всего хозяина леса описывают как высокого мужчину, одетого в балахон, с запахом наледи, подпоясанного красным кушаком. Первым делом, как только войдешь лес, следует принести жертву *meciine*, пишет В. Н. Майнов, «а то не только он удачу не пошлет, а еще заведет в такую чащобу, откуда не выберешься». Охотникам полагалось в первый куст по левой руке бросать несколько зерен овса, мелких монет, но не медных, перья, "что должно было изображать, что жертва приносится ему от того, кто на земле, под землей и в воздухе. В лесу, чтобы не рассердить «хозяина», нельзя было ругаться, разорять птичьи гнезда, муравейники, без надобности рубить деревья и кустарники. На провинившихся он напускал болезнь, по его воле человек мог «попасть на дурной след» и заблудиться. Представление о лесе как некоем одушевленном мире отражает и пословица «*Kut mecha, tuga i mecaspäa*» («Как к лесу, так и от леса»). Известность вепсского края в конце XV первой трети XVI вв. связана с деятельностью преподобного Александра Свирского, которого народная молва считает чудянином по происхождению. Вепское происхождение Александра Свирского признается в энциклопедических изданиях, публикуемых Русской православной церковью в просветительских целях.

В вепском фольклоре нашли отражение многочисленные этнические контакты древнего племени весь и его потомков, вепсов. Он имеет параллели с фольклором балтийских и финно-угорских народов (коми-зыряне, манси, саамы). Особо тесны взаимосвязи фольклоров вепсов и карелов, вепсов и русских. Вепский фольклор существует на 2 языках – родном и русском. Пласт на русском языке исследователи трактуют как «русский фольклор, исполняемый вепсами». Но это явление более сложное. Фольклор вепсов на русском языке сохраняет присущую только вепсам специфику восприятия мира и специфичную трактовку заимствованного языка. Система жанров фольклора вепсов специально не изучалась. Записывались и публиковались в основном сказки, пословицы, загадки. Н.Ф. Онегина выделила 252 известных вепсовских сказочных сюжета: 113 сюжетов сказок-анекдотов, 76 – волшебных, 34 о животных, 24 новеллистических, 5 с легендарным сюжетом. В сказках вепсов много международных сюжетов, распространены сказки вторичного образования, связанные с лубочными изделиями, печатными сборниками, трансформацией авторских сказок. В сказках вепсов отразились черты архаичного мышления мифологичность, фантастичность сюжета сочетаются в них с реалистичными описаниями быта, поведения героев. Движущей силой сказочной драматургии часто являлся диалог героев вопросно-ответного характера. Толчком для развития сказочного сюжета служили суеверие, бытовое наблюдение, анекдот и даже загадка, которые нередко переосмысливались в мифологичном аспекте. Наиболее распространены волшебные сказки с социальными и семейными конфликтами (особенно сюжеты о невинно гонимых героях); о змеборцах, о добывании героем жены (и диковинок). Любимы также сказки с мотивами спасения героев от ведьм. В жанре новеллистичной сказки вепсы пересказывали известные сюжеты русских северных былин, особенно часто из цикла об Илье Муромце. У вепсов 3 типа сказителей: эпика,

новеллисты, сказители для детей. Последняя группа наиболее многочисленна преимущественно это женщины старшего возраста, хранительницы небольшого количества сказок, которые они рассказывают детям зимой в доме, возле горячей печи. Сказители второго типа – мужчины и женщины разных возрастов, преподносящие слушателям сюжеты как театральные миниатюры: выразительно передают речевые интонации героев сказки, подкрепляя их минимумом мимики, скупым но выразительности жестом. При этом исполнитель зорко наблюдает за реакцией слушателей, на ходу приспособляясь к вкусам аудитории. Сказочники-эпики встречаются нечасто. Их исполнительская манера порой восходит к ритуальному поведению отрешенность от рассказываемых событий, неподвижные лицо и корпус, полное отсутствие жеста, взгляд как бы обращен «в себя». Жанры народной прозы представлены также преданиями. Их рассказывают преимущественно мужчины среднего и пожилого возраста на вепском и русском языках. Распространены эпизодические предания о заселении и освоении края мотивы узнавания соседей-переселенцев друг о друге, о появлении нов. жителей (беглых крестьян, солдат, казаков) на территории края; об основании новых деревень в результате переселения рода, о выборе места для строительства церкви. Изредка можно услышать предания о чуде как о предках вепсов. В гр. преданий о силачах яркие мотивы потери недюжинной физической силы из-за честолюбия. Наиболее любимое предание о том, как Петр I дал В. название «кайваны» в результате комичной языковой ситуации. Популярны «суеверные» рассказы о взаимоотношениях людей и «хозяев» дома, бани, леса, озера, их жен и детей; о проклятых людях, особенно детях. Считалось, что вернуть проклятого человека можно только с помощью колдуна, заговоров, принесения жертвы подарка «хозяину» стихий. Подобные истории рассказывали детям в назидание, но они были популярны и среди взрослых. Рассказы о чертях примыкают к сказкам-анекдотам, это исключительно мужской жанр. Широко распространены пословицы. В настоящее время их известно 4937. Среди них значительное количество международных; много пословиц, калькированных с других языков русского, карельского, эстонского, финского, водского, ливского; известны пословицы цитаты из Библии и античной литературы. По наблюдениям В. Мяск, 667 пословиц вепсов не имеют аналогов в иных культурах. Структура пословиц преимущественно двухэлементна; важная стилистическая черта конечный ассонанс. Жанр загадок выявлен неполно. Научная литература обращена только к вепскоязычным образцам, хотя в ходу загадки и на русском языке. Загадки имели дидактическую направленность и предназначаются детям. Объекты загадок человек, предметы быта и ремесла, лес, домашние и лесные животные. Предполагаемый предмет или явление описывался посредством пространственно-звуковых и цветовых характеристик. Загадки могли внедряться в сказки, особенно о животных, в поговорки и даже песни. Интернациональные загадки, многочисленны у вепсов, адаптируясь, приобретали специфичные этнические черты. По структуре загадки подразделяются на 2 группы: лаконичный вопрос-тест; вопрос с предполагаемой подсказкой. В загадках второго типа обе части текстов равны по количеству слогов или вторая примерно в 2 раза короче первой; важную роль в ритмичной и звуковой структурах загадок играют аллитерации и ассонансы, в том числе конечные. Заговоры в фольклоре вепсов и сегодня являются жанром, табуированным для нефункционального исполнения. Известны лечебные, магические, промысловые, оградительные заговоры. Их исполнение всегда сопровождается магическими действиями, в которых используются вода, соль, вино, табак, сахар, носовые платки и полотенца, веники, а также амулеты (коготь рыси, медведя,

кусочек смолы и т.п.). Заговоры могут иметь прозаический и поэтический тексты, произносятся вслух, шепотом и «про себя». Исполняются как на вепском, так и на русском языках. В вепских деревнях наряду с общинными исполнителями заговоров существовали знахари, которые специализировались в узких областях магии лечебной, любовной, промысловой и т.д. Среди эпических жанров фольклора представляют интерес зачатки исторического эпоса — предания о первых насельниках местного края, так называемых панах-предках, а также о древней чуди. Развит сказочный эпос (волшебные, бытовые, сатирические сказки). Довольно устойчиво сохраняются некоторые жанры обрядового фольклора, например, погребальные причитания. Широко бытуют разнообразные пословицы, поговорки, крылатые выражения. По мотивам вепского музыкального фольклора профессиональными композиторами написаны «Вепская зима» В. Тормиса, «Вепская рапсодия» Р. Пергамента, «Вепская сюита» Л. Вишкарёва, «Фантазия на вепскую тему» А. Голланда. В 2006 году Национальный ансамбль песни и танца Республики Карелия «Кантеле» создал программу «Вепские фантазии». В 2008 году была создана вепская фолк-группа «Noid», исполняющая традиционные вепские песни в современной аранжировке.

Традиционная музыкально-поэтическая культура вепсов сформировалась на землях Онежско-Ладожско-Белозерского межозерья. В ней прослеживаются параллели с архаичными пластами культуры прибалтийско-финских (эстонцы, воедь, ижора, карелы) и др. финно-угорских (коми-зыряне, северные удмурты, мордва-мокша, марийцы), а также балтийских (литовцы) народов и мощное влияние русской культуры. Наибольшую сохранность отличается музыка среди вепсов, живущих относительно компактно. Хранителями песенной традиции являются пожилые женщины, объединяющиеся в ансамбли по 2–10 чел., инструментальной главными образом мужчины среднего и старшего поколения, а также пожилые женщины и мальчики. Музыка вепсов отличается специфичным набором жанров. Наряду с причитаниями, свадебными, лирическими протяжными, плясовыми, игровыми, колыбельными (байки) песнями бытуют т.н. календарные и лесные выкрики, призывы животных, песни-сказки, дразнилки, потешки, короткие песенки, песни-романсы, заговоры. Как у карел (ближайшего родственного этноса), у вепсов нет календарных песен. В то же время отсутствие эпических песен отличает вепсов от других прибалтийско-финских народов, напр. от карел и ижоры, у которых эпические песни существуют внутри рунической традиции, не свойственной фольклору вепсов. В рамках календарных обрядов у вепсов зафиксированы нисходящие узкообъемные выкрики, с помощью которых интонируются тексты на вепском языке, имеющие иногда стиховую форму; структура последних соответствует магическим формулам жертвоприношения (напр.: «Я тебе это, ты мне то»). Она приурочена к Рождеству, Петрову дню, ко времени сжигания кострички льна осенью, к весенним работам по подготовке подсеки (призывы ветра). Неприуроченные выкрики в лесу «уканья» мужчины исполняют на вепском и русском языках в манере, напоминающей уханье совы; в женских «уканьях», имеющих напевный характер, каждый звук имеет фиксированную высоту. Призывы домашних животных интонационно и ритмически соответствуют аналогичному слою в традиционной культуре русских Севера. Причитания наиболее распространенный жанр архаичной музыкально-поэтической культуры вепсов. Различаются погребальные, поминальные, свадебные причитания и причитания «на случай», которые звучат на вепском и русском языках (у прионежских вепсов только на

русском); в них сохранились черты культа предков, элементы языческой обрядности. В вепсскоязычной причети частично сохранилась система табуирования терминов родства, половозрастной терминологии. Тексты причитаний имеют развитую систему поэтического параллелизма, аллитераций, ассонансов. Среди причитаний белозерских В. эстонская исследовательница И. Рюйтел различает 2 типа: первый со строкой, приближающейся к речевой фразе (исполняются на вепском языке.), с нисходящим направлением мелодии, неопределенной звуковысотностью последних слогов (произносятся на выдохе, почти шепотом), нестабильным интервальным составом, несформировавшейся ладовой структурой, в «разговорной» тесситуре; второй вид вероятно, заимствованный у русских Вологодчины и иногда исполняющийся на рус. яз., интонируется в более высоком, «певческом» регистре, имеет более стабильный звукоряд и интервальный состав, 1- или 2-стиховую форму. Причитания приоятских и прионежских В. имеют устойчивую интонационно-ладовую структуру, строфичную (тирадную) форму стиха, «разговорную» тесситуру. Причеть всегда исполняется сольно. В недалеком прошлом причитывать умела практически каждая вепсянка, но при этом существовали и существуют сегодня профессиональные плакальщицы обычно пожилые, уважаемые в селе женщины. Песни-сказки прионежских В. исполняются женщинами старшего поколения в качестве детских потешек и могут включаться в виде эпизодов в байки о путешествии героя за дарами в иной мир, принесении им жертвы, причем могут быть связаны с этиологичными мифами (всего около 10 сюжетов). Поэтические тексты восьмислоговой нормы, широко распространены в фольклоре карел, коми, финнов-ингерманландцев, эстонцев и др., обычно связаны с речитативными напевами плясовых или игровых песен небольшого диапазона. Песни вепсов сегодня в подавляющем большинстве исполняются на русском языке и в целом представляют собой заимствованный культурный пласт. Лирические песни обычно приурочены к свадебному обряду и, «законсервированные» рамками обряда, сохранили первозданный вид именно у вепсов, в то время как у русских они развивались в сторону композиционного усложнения и увеличения распевности. Тексты их лаконичны, нередко в рамках одной песни контаминируются зачины нескольких разных русских песен. Среди свадебных песен в целом распространение получили прощальные, напр. «Из-за лесу, лесу темного», «Полно, Машенька», песни-романсы. Немногочисленные величальные встречаются только в пограничных с русскими селами Матвеева Сельга, Шокша в Прионежье, Ярославичи, Ратигора, Вонозеро в Приолятье, др. Песни русской свадьбы у вепсов бытуют и самостоятельно, и исполняются ансамблем. Звучание ансамбля напряженное, «плотное», с носовыми призвуками (особенно в традиции Прионежья). Критериями красоты звука в народном понимании являются его протяженность, непрерывность, «перетекаемость», полетность. В Прионежье практиковалась традиция единого запевалы для всех существующих в селе ансамблей, в том числе девичьих. В исконно одноголосную вепскую музыкальную культуру вместе с различными песенными жанрами проникли и элементы многоголосия гетерофонные включения, терцовая втора. Песня «Росынька» самый яркий образец песенной культуры вепсов исполнялась 2 запевалами, поочередно вступающими на фоне бурдона. Распространена в последней трети XIX в. русские песни-романсы преимущественно с трехдольной ритмической основой исполняются на рус. и в переводе на вепском языке. Специфически вепсим жанром являются люхют пайёт короткие песенки с 4-строчным стихом (на обоих яз.) и протяжным, медленным напевом. Обычно их пели девушки и женщины в лесу во время сбора малины, на сенокосе. Частушки, плясовые песни близки

аналогичным жанрам русского населения Севера, нередко исполняются под балалайку, гармонь. Исконный музыкальный инструмент вепсов – кандел, или кяндла, – вариант общего прибалтийско-финского струнного щипкового инструмента кантеле; имеет форму «с открылком», характерную для тех этнических групп, которые на протяжении веков имели тесные контакты с русским населением новгородских и псковских земель (по мнению эстонского этнографа и органиста И. Тынуриста). Кандел, на котором играли приемом бряцания, главным образом сопровождал пляски. Центральное место в традиционной инструментальной культуре вепсов занимали, по наблюдениям И.В. Мациевского, аэрофоны различные виды реликтовых финно-угорских инструментов, пастушеских и охотничьих по происхождению и отчасти сохранивших свои прикладные функции. Это виды флейт окарины, тростниковые дудки, манки из птичьей кости, а также берестяные рожки, натуральные трубы и др. В танцевальной культуре карелов принято выделять круговые и линейные танцы северных, средних, южных, приладожских групп целостного народа, сходные с пластическими характеристиками танцев финнов, эстонцев, венгров. Традиционная танцевальная культура карелов имеет три стилевых пласта, т.е. локальный, национальный и этнический. Вепская хореография прошла тот же путь, что и карельская (см. Карелы). Правда, контры и им подобные танцы, по свидетельству стариков, вепсы не исполняли, основой праздничных вечеров была кадрили. В Шелтозере юноша мог начать кадрили с одной девушкой, через фигуру пригласить другую, а закончить с третьей. Сохранились воспоминания о танце блансе. В 1930-е гг. у вепсов сложились танцы «Шестерка» и «Восьмерка» (позднее «Шестерка» вошла в программу вепского хора). Вепсы легко отказывались от старых танцев и переходили к новым и этому была причина. Почти все мужчины с апреля по октябрь уходили на отхожие промыслы в Петербург, Петрозаводск и др. города. Возвращались с новыми песнями и танцами. Нарядно одетым (кофты с рюшами, широкие юбки с поясом, высокие ботинки, ленты, шали) вепсовским девушкам все лето приходилось танцевать друг с другом. В «Шестерку» выходили 4 девушки и 2 парня, в «Восьмерку» 6 девушек и 2 парня. В «дразнилках» сякки-вариякки участвовали одни девушки, они потешались над юношами, которые не осмеливались их пригласить. У вепсов независимое, заносчиво-горделивое исполнение танцев. Свообразием отличаются танцы вепсов. По характеру они близки танцам южных районов, характеризуются большой подвижностью, живостью, юмором. В карельской танцевальной культуре встречается не только вепский, ингерманландский, но и шведский традиционный материал, в котором танцоры имитируют движения бычка, утки, ворона (тотемическое существо вепсов). Карельская народная хореография XIX в. связана с французской и английской кадрилями, ланцами, контродансами. В многофигурных парных кадрилях обязательны моменты сольных русских плясок. В традиции северных карел распространение получили финские танцы-хороводы «Piirileikki» («пирилейки»), в которых этническим своеобразием выделяется круг («кижа» – по-карельски, «карг» по-вепски). Пирилейки являются не только финскими, но и ингерманландскими круговыми песнями-танцами. В древнем традиционном карельском танце не только круг, а также «восьмерка» являлись основными рисунками распространенной модели карело-финского движения. Архаичный пласт танцевальной культуры карел южной и приладожской Карелии составляют групповые танцы-игры, танцы-шествия, танцы-приглашения. Все они связаны с сольной пляской импровизационного характера, где шаговые и беговые движения выполняются прямыми ногами. Мужская пляска несет активный, наступательный характер в отличие от женской,

где присутствуют разнохарактерные выстукивания дроби «прямой» ногой, повороты корпуса, кружения. В мужской хореографической лексике встречаются характерные движения «вприсядку» с поочередным выбрасыванием правой и левой ног как в танцевальной игре «Бычки», построенной на подражательной пантомиме животного. Руки танцора не только опущены вниз, но в особо активные моменты пляски разводятся в стороны, поднимаются вверх. Распространены хлопки в ладоши, удары руками по корпусу, бедрам. Народная традиция карельского «плясания» («плясна») импровизационного характера происходит от естественного пробуждения чувств, эмоций танцора

Долганы

Долга́ны (самоназвание долган, тыа-кихи, саха) тюркоязычный народ в России (всего 7900 чел., в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края ок. 5500 чел., в Якутии ок. 1900 чел.), коренное население Таймыра. Верующие православные. У долган долгое время не было общего самоназвания и они именовали себя по имени рода. Этноним «долган» происходит от наименования одного из эвенкийских родов «долган»/«дулгаан» (букв. «средний», «срединный», «внутренний»). Считаются самым северным тюркоязычным народом мира. Казаки, которые принесли с собой православие, давали долганам при крещении свои фамилии: Кудряков, Жарков, Чуприн, Поротов. Фамилии сохранились до сих пор. Долганский язык входит в якутскую группу тюркских языков. В его основе лежит якутский язык, который подвергся воздействию эвенкийского.

Для долган характерна кочевая жизнь. Кочевое оленеводство, рыболовство и охота традиционные отрасли хозяйства. Самым распространенным жилищем у долган был конический шалаш, покрытый ровдугой (летом) или шкурами (зимой); зимние шалаши покрывались обычно нюками из шкур оленей с подстриженной шерстью, причём в два ряда (меховой стороной нюка наружу) покрывали только зажиточные, летние шалаши покрывали нюками из ровдуги, более легкими для перевозок вьюком на олене. Летом огонь разводили в углублении на земле или прямо на земле, причем кострище иногда обкладывали кругом кусочками дерна. Долганы использовали также пирамидообразный шалаш, обложенный дерном; пирамидообразный шалаш с плоской крышей; зимний шалаш в форме усеченной пирамиды на срубном основании и нартенный чум. Летом, как правило, распространена верховая и вьючная езда на олене, на нартах перевозят только лодки. Зимой передвигаются на нартах, которые могут быть мужскими, женскими, а также грузовыми. Седла также различаются: мужские с маленькими луками, вверху округлые, роговые, полки с узкими планками укреплены с очень слабым наклоном и вставлены в чехлы, сшитые из оленьей шкуры мехом внутрь и набитые шерстью; женские седла они же вьючные имеют высокие, широкие вертикальные деревянные луки, полки укреплены с большим наклоном и вставлены в мешки, набитые шерстью и простеганные ниже полок, недоуздок бывает украшен налобной полоской, сплошь вышитой бисером, часто с большим количеством кистей, привязанных к нащечной части. Подпруга с кольцом. Седло укладывается оленю на лопатки. При езде пользуются высоким посохом. Садятся на оленя справа. Кроме того, на охоте используются лыжи, подшитые оленьим камусом, аналогичные эвенкийским, с выгнутой под креплением, приподнятыми

носками, тонкие и короткие. Термины для обозначения лыж у долганов якутские кайыһар (голицы) и туут (подшитые). Водный транспорт долганов с транспортом соседних народов. Они используют челноки долбленки двух видов. Долбленки первого вида идентичны хантыйскому обласа. Долганы обычно приобретали их у хантов. Второй вид челнока совпадает с якутской долбленкой, но долганы умели изготавливать его и сами. На изготовление долбленок употреблялись стволы ели или лиственницы. Кроме долбленок, долганы пользовались составными челноками (тыы), такими же как у якутов. Величина их не отличалась от долбленок. Как долбленные, так и составные челноки употреблялись главным образом на охоте на водоплавающую птицу и при рыбной ловле. Передвигались на челноках с помощью двухлопастных весел. Для перевозок, а также при неводьбе, долганы пользовались общераспространенными в Сибири дощатыми лодками (онгочо) с плоским или выдолбленным днищем и наставными (из нескольких досок) бортами. Предпочитались лодки небольших размеров, от 4 до 5 м. в длину.

У долганов в отличие от других сибирских народов, наблюдалось полное несовпадение мужской и женской одежды. Мужская одежда долганов тяготела к эвенкийской, где она являлась и мужской и женской; в то же время женская одежда совпадала с одеждой авамских эвенков; в мужской одежде наблюдались еще и элементы якутской одежды. Старинная верхняя одежда долганов (мукаалкан), бытовавшая только у мужчин, была распашная, из оленьих шкур мехом наружу; полы сходились и завязывались ровдужными завязками, но несмотря на это под одежду надевали нагрудник, прикрывавший живот и грудь. Вдоль пол и спереди по поясу одежда украшалась нашивной полосой из сукна красного цвета, вышитой бисером. Таким же образом украшали и треугольные клинья на спинке. У мужчин также была распространена эвенкийская парка, с отдельно скроенной спинкой, носившая название кёп хопоо. Летней мужской одеждой служили кафтаны (сон тап, что значит «шуба верх») из черного сукна или плиса, с прямым разрезом спереди и сходящимися полами, с широким отложным воротником. Распространена женская одежда схожая с одеждой авамских эвенков, с покроем спинки в талию, полукруглыми клиньями на спинке выше пояса и двумя прямоугольными клиньями от пояса вниз. Зимой, женскую одежду шили из оленьих шкур, летом из сукна, но того же покроя. Кроме сукна, летнюю одежду шили иногда и из ровдуги. Головным убором как у мужчин, так и у женщин служил капор двух покровов. Наиболее распространенным был капор, состоящий из трех частей: центральной (продольной) полосы, покрывающей темя и затылок головы, и двух боковых полос, закрывающих уши и щеки. Капор второго покроя состоял из двух частей: широкой полосы, проходящей поперек головы и вшивной полукруглой части, закрывающей затылок. Шили капоры из меха, ровдуги и сукна. Их делали на подкладке из оленьего меха с пышной опушкой вокруг лица и с небольшой опушкой по нижнему краю капора. Меховые капоры, шитые из шкурок и лапок лисы, волка или голубого песца, были наиболее старинными; в конце XIX и начале XX века их носили только женщины и пожилые мужчины. Мех разных цветов подбирали по эти капоры таким образом, что продольная часть их украшалась поперечными полосками. У ровдужных капоров также украшали продольную вставку, вышивая ее белым подшейным волосом. Долганы украшали свои капоры большим количеством цветного бисера в виде рядов, расположенных по основным швам капора. На продольной, теменной части обычно делали украшение в виде горизонтальных полосок. Обувь шили из оленьих камусов (зимняя) или ровдуги (летняя) по подобию эвенкийских унтов.

Несмотря на то, что с XIX в. долганы официально считались православными, в их среде продолжал господствовать анимизм. Большую роль играло шаманство. Мир состоял из нижнего, среднего и верхнего миров, по которым во время камлания и путешествовал шаман. Камлание должно было помочь сотворить из существующего Хаоса Космос, т.е. продолжала поддерживаться традиция возвращения ко времени первотворения. У долганских шаманов существовали те же атрибуты, что и у шаманов других сибирских народов: шаманский костюм, бубен и колотушка. Бубен у долганов (дюнгор) имел овальную форму, размером более 65 см в продольном диаметре. Обечайку делали из листовенной доски, на внешней стороне которой делали семь резонаторных бугорков (болчо «шишки»), так же устроенных, как и на якутских и эвенкийских бубнах; на внутренней стороне обечайки прикрепляли четыре железные скобы с подвесками кольцами. Обечайку обтягивали кожей дикого оленя таким же способом, как и якуты. В центре бубна на ремнях укрепляли железную крестовину быарык. Встречались бубны с крестовиной, включенной в железное кольцо. Иногда в верхней части крестовины прикрепляли изображение двуглавой шаманской птицы (оксоку). На внутреннюю поверхность обтяжки наносили рисунки красной краской концентрические круги, крестовину бубна, изображали оленя. Иногда украшали и наружную поверхность бубна. Колотушку (булайях) делали из листовенницы, из мамонтовой кости или оленьего рога. Одну сторону ее орнаментировали резьбой. На конце ручки вырезали изображение духа-хозяина колотушки. Иногда колотушка имела форму двухлопастного весла с перехватом посередине. Для хранения бубнов имелись специальные мешки из шкур дикого оленя (дюнгор ката). Долганы считали бубен оленем, на котором «путешествовал» шаман. Кроме этого, бубен представлялся также вселенной.

Долганское искусство представлено фольклором, в котором прослеживается якутское и русское влияние. Былины исполняются в виде песен, близких якутским олонхо. Распространены сказки, в которых фигурируют купцы, крестьяне, Иван-царевич. В сказаниях встречаются эвенкийские заимствования. Слагаются также песни, загадки, пословицы и поговорки, танцы. Из музыкальных инструментов встречается варган якутского типа. Танцевальное искусство носит черты эвенкийского воздействия (хороводный танец - хейро). Сегодня в долганских поселках отмечают такие национальные праздники, как Хейро, День оленевода, День рыбака. Этническая культура долган является мозаичной. Основная территория расселения долган, лесотундра. Многокомпонентный состав, определяют направленность экономики и облик их культуры. Хозяйственный комплекс долган имеет промысловую ориентацию (охота, оленеводство). Кроме того, хозяйственной составляющей было рыболовство. Есть такие разнообразные типы жилищ долган - русская изба, якутский балаган, тунгусский чум, голомо. Лексика, связанная с одеждой, у долган якутская, но основные ее конструктивные типы имеют тунгусские и самодийские соответствия. Женщины носили преимущественно якутскую одежду, но в отличие от якутов, долганская одежда более декорирована, что соответствует долганской традиции. Сочетание разноэтнических элементов представлено в фольклоре и традиционном мировоззрении долган. Такое состояние долганской культуры может породить представление об отсутствии у них собственной культуры. Но именно в этом и проявляется специфика долган, поскольку такой культуры нет ни у одного северного народа. В общем плане, "промысловое производство долган представляло собой модернизированное под русским, якутским и самодийским влиянием тунгусское

хозяйство, приспособленное к специфическим условиям лесотундры и тундры Таймыра". Долганское искусство представлено фольклором, в котором прослеживается якутское и русское влияние. Былины исполняются в виде песен, близких якутским олонхо. Распространены сказки, в которых фигурируют купцы, крестьяне, Иван-царевич. В сказаниях встречаются эвенкийские заимствования. Слагаются также песни, загадки, пословицы и поговорки. Из музыкальных инструментов встречается варган якутского типа. Значительное количество записей по всем жанрам фольклора долган было сделано П.Е. Ефремовым. Это героическое сказание «Три девушки - родные сестры», ряд сказок, мифов и песен. Другими авторами собраны следующие фольклорные сказания: «Москогдой-богатырь», «Девушка-богатырь», «Караккан-тойон», «Война куропаток и щук» и др.

Традиционные танцы долган тесно связаны с окружающей природой и обожествлением различных духов, тотемов, олицетворяющих разные явления природы. С другой стороны, питательной средой для танцевальной культуры были богатый устный фольклор, разнообразные обряды и традиционные верования этих народов. Также на развитие их культуры было велико влияние этнических групп живших по соседству. Истоками танцев долган являются близость к природе, восприятие окружающей природы как живого организма, когда все вокруг одухотворялось, различные явления природы они наделяли духами-хозяевами, поклонялись тотемам своих родов, которых они представляли в виде различных рыб, птиц, животных. В традиционном мировоззрении этих народов преобладало чувство слитности с природой, кормящей их, обожествление природы, их образ жизни и традиционные виды хозяйствования (оленоводство, звероловство, рыболовство, охота) Пластическая традиция долган представляет собой локальный вариант традиционной хореографии северных якутов и имеет родственные связи с культурой эвенов, эвенков, ненцев, энцев, нганасан и русских старожилов. Долганские народные танцы подразделяются на три группы: западную, восточную и попигайско-анабарскую. Западная группа связана с хореографическим искусством ненцев, энцев и нганасан, восточная полностью переняла традиционную хореографию северных якутов, а также эвенов и эвенков. Обрядовые пляски долган можно разделить на общеплеменные круговые (с песней) и шаманские. К первым относятся хэйро и охуокай, ункуу, являющиеся круговыми танцами вокург шеста - куурэй хэйро. [7, с. 18-20] Большую роль в традиционных долганских плясках играла одежда танцующих. Традиционная одежда - это тот редкий элемент материальной культуры, в котором аккумулирован не только художественный, но и богатый духовный опыт, народные поверья и представления. Обычаи и поверья, связанные с одеждой, составляют особый пласт в традиционном мировоззрении долган. Одежда исследователями часто рассматривается не только как вещь, но и как знак, символ, передающий важную информацию о человеке, его возрасте, занятии и, наконец, о его социальной и этнической принадлежности. Одежда долган отличается полифункциональностью. Особый интерес представляют ритуальные и религиозно-магические функции, которые составляют единую знаковую систему. [10, с. 210] Традиционная одежда как особая этнокультурная категория занимает видное место в обрядово-ритуальной сфере духовной жизни долган. Сакральный мир долганской одежды насыщен яркими образами, обусловленными традиционным представлением о жизни и смерти человека. Современное состояние народного искусства долган в целом характеризуется устойчивостью традиционных форм и жанров. [10, с. 256] Круговой

обрядовый танец хэйро (в переводе означает «встреча солнца») исполняется на открытом воздухе во время праздников и свадеб. Запевает обычно мужчина, произнеся одно слово «хэйро». Остальные участники танца ему вторят и ведут танец по кругу вокруг воткнутого в центре круга хорей - шеста, которым погоняют оленей. [7, с. 20] Женщины и девушки в пении не участвуют, они молчаливо ходят по кругу. Танец предназначается для выражения приподнятого праздничного настроения, а также дает возможность молодым людям познакомиться с девушками. Напев хэйро строится на большой секунде и ритмической формуле ямба или хорей. Музыкальная формула танца состоит из трех элементов: восходящей секунды, примы на верхнем звуке (опорном) и примы на нижнем опорном звуке, образующих своеобразную волну с восходящей и нисходящей интонацией. В процессе исполнения танца напев исполняется 11 раз и каждый раз с различными вариантами мелодического рисунка, отличающимися количеством повторов трех элементов внутри своей зоны, сменой акцента при различном произнесении слова «хэйро». Более стабильными являются крайние элементы музыкальной формулы, повтор которых чаще трехразовый. В кульминации танца, соответствующей седьмому-девятому повтору напева расширяется зона второго элемента на тоне е. Прежде чем организовать круг, все участники хороводной пляски становятся в линию. Ведущий «запевала» кричит: «Хэйро, хэйро!». Движение в танце обычно начинают мужчины с медленного покачивания и протяжного пения в кругу с постепенным динамическим нарастанием темпа. Мужчины берут руки женщин снизу, соединив их в замок, поднимают на уровне пояса и начинают двигаться «основным движением по ходу солнца», замыкая круг. Далее, двигаясь по кругу, припевают в такт ударам ног: «Ёхорь-е, ёхорь-е, чах, чех, чех, ёхорь-ё» или «Хэй-нан-хачу, хай-нан-хачу». Основное движение «Хэйро» - прыгающий шаг с ноги на ногу - исполняется из шестой позиции ног, руки, согнутые в локтях, соединены в замок. На «раз» делается прыжок правой ногой вправо на всю стопу с наклоном корпуса, левая нога освобождается. На «и» левая нога ставится сзади правой, правая поднимается вперед, корпус выпрямляется. **Движение первое.** Исходное положение: встать лицом к центру круга в шестой позиции, руки, соединенные в замок, согнуть в локтях и вывести вперед. «Раз» - сделать шаг вправо правой ногой на всю ступню, левую ногу, согнув колене, оторвать от пола, корпус слегка наклонить вперед, взгляд направить в центр круга; «и» - поставить левую ногу сзади правой, правая вытянутая нога поднимается вперед, корпус при этом выпрямляется; «два» - повторить движение, исполняемое на «раз»; «и» - повторить движение на счет «и» в первой части. **Движение второе.** Исходное положение: присесть на обеих ногах в шестой позиции, наклонить корпус вперед, плечи развернуть на 90°, правым плечом вперед, голову наклонить к правому плечу, правую руку вытянуть вперед, левую назад. «Раз» - сделать шаг вперед правой ногой на всю ступню, одновременно разворачивая плечи на 90°, левая вытянутая рука идет через низ вперед, а правая - назад, голова поворачивается к левому плечу; «и» - приставить левую ногу к правой в шестую позицию; «два» - сделать шаг вперед левой ногой на всю ступню, одновременно разворачивая плечи на 90°, правая вытянутая рука идет через низ вперед, а левая - назад; «и» - приставить правую ногу к левой в шестую позицию. **Движение третье.** Исходное положение: встать лицом к центру круга, присев на обеих ногах в шестой позиции. «Раз» - сделать шаг правой ногой в правую сторону на всю ступню; «и» - приставить левую ногу к правой в шестую позицию; «два-и» повторить движение с правой ноги, исполненное на счет «раз-и». **Движение четвертое.** Исходное положение: ноги в шестой позиции согнуты в коленях, взгляд перед собой. «Раз» - сделать шаг правой

ногой в правую сторону, перенести тяжесть тела; «и» - приставить левую ногу к правой в шестую позицию; «два» - повторить движение, исполняемое на «раз»; «и» - сделать шаг левой ногой вправо вперед накрест правой ноги. Далее все повторяется с правой ноги. **Движение пятое.** Исходное положение: руки раскрыты в стороны к центру круга, корпус развернуть на 90° по линии движения, ноги в шестой позиции. «Раз» - шаг вперед, по линии движения танца правой ногой, правое плечо вывести вперед; «и» - приставить левую ногу к правой ноге в шестую позицию, одновременно вывести левое плечо вперед; «два-и» - повторить движение с левой ноги, исполняемое на счет «раз-и». Положение рук в «Хэйро» может иметь три позиции: в первой они сцеплены в замок и находятся внизу, во второй - сцеплены в замок и подняты на уровень пояса (локти прижаты к корпусу), в третьей - раскрыты в сторону на уровне плеч. При движении сцепленные в замок руки могут снизу подниматься снизу до пояса, а затем опускаться вниз. Охуокай - общеплеменное танцевально-песенное действие с запевом и вторым хора. Оно отличается от аналогичного жанра у саха (якутов) более медленным исполнением. Охуокай - круговая пляска, сопровождаемая песней, состоит из двух частей: приглашения на танец и основной (танца на шагах). Приглашение осуществляют запевала и несколько участников. На «раз» делается шаг правой ногой вправо на всю ступню: на «и» левая нога притягивается к правой в шестую позицию; на «два-и» повторяется движение с правой ноги, исполняемое на счет «раз-и». В основной части танцуют все участники. Они встают в круг и берутся за руки. На «раз» - шаг правой ногой вправо; на «и» - приставить левую ногу к правой в шестую позицию; на «два» - повторить движение на «раз»; на «и» - сделать шаг левой ногой вправо вперед накрест правой ноги. Ункуу - круговой танец с поклонами. Форма запева - трехдольная, манера исполнения - медленная. Исходное положение: все участники становятся по кругу лицом в центр в шестой позиции, руки опущены вниз и соприкасаются - ладонь в ладонь - с руками партнера. «Раз» - все танцующие делают небольшой шаг левой ногой влево по кругу на всю ступню, одновременно медленно поднимая руки вперед; «и» - правая нога подтягивается к левой, руки идут до уровня груди; «два» - небольшой шаг чуть согнутой в колене правой ногой назад за левую ногу, руки медленно опускаются за спину; «и» - левая нога, скользя носком по полу, приставляется к правой, одновременно поднимаются руки и корпус. Далее все движения повторяются в быстром темпе. Сольные пляски обычно завершали танцевальную сюиту. Шаманский фольклор представлен ритуалами ойуун (шамана) и удаган (шаманки), сопровождаемыми песнопениями, звукоподражаниями, речитациями, возгласами, танцами и игрой на бубне, звучанием подвесок-погремушек

Ительмены

Ительмэны (ительмен. итэмэн, в ранних записях искажённо ительмень) одна из коренных народностей полуострова Камчатка. Язык ительменский. чукотско-камчатская семья языков. В ительменском языке выделяют седанкинский, хайрюзовский, напанский диалекты. На современную лексику оказали влияние корякский и русский языки. В настоящее время народ двуязычен. Русский является языком внутреннего и межэтнического общения и обучения..

Занимались в основном традиционным рыболовством. Основу жизнеобеспечения составлял речной лов. Промысловыми угодьями владела территориально-соседская

община. Рыбу, в основном лососевых, ловили с апреля по ноябрь. Способы и орудия лова были традиционны — сети, невода, запоры сооружения в виде изгороди или плетня из тальника, перегораживавшие речку или часть ее, с "воротами", в которые ставили плетеные ловушки в виде воронки (верши, морды) или мешкообразные сети. Женщины занимались собирательством. Жители морского побережья промышляли ластоногих, шкуры и жир которых служили предметами товарообмена как среди местного населения, так и с оленными коряками. У последних выменивали олени шкуры, мясо, сухожилия. Охота носила подсобный характер. Добывали в основном снежных баранов, диких северных оленей, водоплавающую птицу в период линьки. С охотой на медведя и употреблением в пищу его мяса были связаны особые обряды. Пушнина служила предметом обмена. На соболя и лисицу ставили капканы и ловушки, а также их гнали собаками. Летом передвигались на лодках-батах, выдолбленных из тополя, зимой на собачьих упряжках с нартами, имеющими две пары дугообразных копыльцев и седлообразное сиденье. Ходили на лыжах длинных, скользящих и "лапках" коротких ступательных. Утварь изготовляли из бересты, топоры делали из оленьей и китовой кости или камня (яшмы), ножи, стрелы, наконечники копий из вулканического стекла обсидиана. Огнестрельное оружие и металлические изделия заимствовали у русских. Холодной ковкой из металла изготавливали ножи, наконечники стрел и копий. Огонь добывали трением. У русских переняли разведение крупного рогатого скота, огородничество, в особенности картофелеводство. Зимним жилищем служили прямоугольные или овальные полуземлянки (юрты) с деревянным сводом, поддерживаемым столбами. Дым очага выходил через боковое отверстие. В юрту спускались по бревну с перекладинами через верхнее отверстие. Обычно в землянке зимовало от 5 до 12 семей. На летние промыслы каждая семья переселялась в свайную постройку из жердей с коническим верхом, рядом строили сооружения из жердей и травы, в которых чистили и варили рыбу. К концу XVIII века у ительменов появились русские избы, из хозяйственных построек срубные амбары и помещения для скота.

Зимней одеждой, как мужской, так и женской, были глухие шубы с капюшоном кухлянки (ниже колен) и камлеи (до пят), которые шили из оленьего меха двойными мехом внутрь и наружу. Зимой мужчины и женщины носили штаны мехом внутрь, летом замшевые. Летней одеждой часто служила выношенная зимняя, которую на промыслах дополняли плащами и обувью из выделанных рыбьих кож. Женской домашней одеждой был комбинезон, мужской набедренная кожаная повязка. Зимнюю обувь шили из оленьих камусов, дополняя меховыми чулками, летнюю из шкур ластоногих. Зимние меховые шапки имели вид капора, а летние, похожие на алеутские, делали из бересты или перьев и палочек. Белье, украшения, летнюю одежду заимствовали у русских. Рыба служила основной пищей и кормом для собак. Ее заготавливали впрок: вялили и квасили в ямах, реже запекали и коптили, зимой замораживали. Лососевую икру сушили и квасили. Реже употребляли в пищу мясо зверей и птиц. Мясо и жир морских животных парили в ямах, кишки и желудки использовали как емкости для хранения продуктов. С рыбой и мясом ели много различных трав, кореньев, клубней сараны, ягод. Собирали кедровые орехи, яйца водоплавающих. Пищу готовили и подавали в деревянной и берестяной посуде, запивали водой. У русских заимствовали различные способы копчения и соления рыбы, приготовление картофеля, мучных изделий, супов, чая с молоком. Из-за трудностей

доставки на Камчатку соли и муки соленье рыбы и употребление хлеба было ограниченным.

Религиозные представления и обряды ительменов основаны на анимизме вере в подземный загробный мир, добрых и злых духов; тотемизме вере в родство с тем или иным животным, почитании хозяев моря и лесных животных. После обращения ительменов в 1740–1747 годах в христианство стали распространяться православные обряды крещение, венчание, отпевание. Уже в первой четверти XIX века путешественники отметили в камчадалских селениях православные кладбища. Установилась традиция при крещении давать детям русские имена. Ительмены числились прихожанами камчатских церквей, и первые русские фамилии получили по фамилиям духовенства и служилых. Записи фольклора представлены мифами в русском пересказе исследователей XVIII века и сказками, записанными на ительменском языке в XX веке. В настоящее время мифологические сюжеты о сотворении мира сохранились только в сказках и обрядах, возможно, вследствие поголовной христианизации ительменов, а также резкого и быстрого падения их численности в результате эпидемий во второй половине XVIII века и последующей ассимиляции.

В мифологии основным персонажем выступает Кутх, или Ворон. Он предстает как демиург (творец), создатель Камчатки и в то же время как трикстер плут, обманщик, шутник, перевертыш, несущий в себе добро и зло, мудрость и глупость. В сказках он постоянно попадает в неблагоприятные ситуации, которые иногда приводят его к гибели. Раздвоение образа Кутха (демиург трикстер) произошло достаточно давно, в мифологическом сознании оба образа существовали параллельно. Как и у соседей коряков и чукчей, в фольклоре ительменов присутствуют животные, нередко в качестве племени (с "мышиным народом" Кутх вступает в конфликты или разного рода сделки).

Музыка характеризуется несколькими локальными вариантами, изученными неодинаково. К началу 1990-х годов были известны три из них: два западных ковранский и тигильский и один восточный камчадалский. Музыка, инструменты и жанры взаимосвязаны с фольклорными традициями русских старожилов, коряков, курильских айнов и эвенов. Музыку ительменов делят на песенную, танцевальную, инструментальную и повествовательную. Песенная мелодия сопровождает импровизированный текст. Песни с лирическим текстом у ковранцев называются чак'лэс (от чак'ал "горло", "рот"), у тигильцев репнун (от репкуё "напевать", "голосить"). Колыбельные песни, хотя и выделяются терминологически (у ковранцев корвэлю, у тигильцев карвэлю), собственных мелодий не имеют, а поются на различные типовые мелодии. Тексты заговоров, обнаруженные только у ковранцев, поются на ритуальные мелодии (кмаличинэх). У ительменов известно 16 музыкальных и звукопроизводящих инструментов под общим названием ма'лйанон "играющий предмет". Ительменский бубен (яяр) родствен корякскому. Существовал и деревянный пластинчатый варган (варыга). Флейта из дудника с наружной свистковой щелью без отверстий для пальцев у ковранцев называется ковом, у тигильцев коун.

Танцевальные жанры ительменов отражают многообразие их кинематичной культуры: от мимических гримас до активных танцевальных движений, определяемых ковранцами как к'олкас, тигильцами – колхэхсхэнэзэн, камчадалами кузелькинга (или камкач), что букв.

означает «ломаться», «выгибаться». У ительменов существовали круговые танцы, а также танцы, изображающие животных с сопровождением звукоподражаний. Общая обрядовая пляска с выкриками «алхалалалай» завершала праздничную церемонию по случаю окончания охоты. Импровизированные пляски сопровождали обряд втаскивания срубленной березы через верхнюю дверь юрты. Здесь же разыгрывалась пластическая пантомима с «китом» и «волком». На празднестве по случаю добычи медведя во время снятия шкуры с животного молодежь начинала пляску, старики присоединялись к ней, когда пляска была в разгаре. Танцующие подражали походке медведя, играм медвежат, представляли любовную сцену медведя и медведицы. Пляске сопутствовали резкие выкрики. Ко времени интенсивного освоения Камчатки русскими (40-е гг. XVIII в.) магич. функция ительменского танца была утрачена. Русская культура оказала огромное влияние на быт и традиционную культуру ительменов, в частности на свадебный обряд и связанные с ним танцы. От русских были восприняты песни, пляски, хороводы ительменов. оказались близки их напевность, задорные плясовые ритмы. Заимствовали они и посиделки, вечёрки, игрища. Водили хороводы и плясали под «Камаринскую», «Подгорную», «Барыню», «Кадриль», «Вальсок» и др. (иногда играли на скрипке, балалайке, дудочке). Открывали вечёрку мужчины. Один из них выходил на сцену и начинал плясать перед девушкой, которую хотел пригласить. Остальные подбадривали его словами «браво, пляши». Приобщаясь к русской народной хореографии, ительмены сохраняли характерную пластику и манеру исполнения (толчкообразные движения бедер и плеч, сопровождение танца гортанным пением и др.). Живя долгое время по соседству с коряками и эвенками, ительмены подражали и их пляскам, напр., охотно танцевали с эвенками танец «Норгали». Исследователи и путешественники отмечали танцевальное мастерство ительменов «Великая честь тому, кто перепляшет». Танцоры старались разнообразить свои движения, некоторые опускались на колени и приплясывали полулежа (след древних обрядовых танцев). Наиболее распространенные, дошедшие до наших дней песне-пляски ительменов «Желтенький песочек», «Бакия» (медведь), частушки «Катю дома не застал», «Как на мосточке». В рамках художественной самодеятельности в 1964 были впервые показаны сценические танцы ительменов, среди них – музыкально-хореографическая композиция «Эльвель» (либретто Т. Гуторовой, стихи Г.Г. Поротова, постановка Н. Суздаловой), в ее основу положен один из сюжетов мифа о Вороне. В 1974 был создан ансамбль песни и танца «Эльвель», с 1982 худ.руководитель и постановщик танцев Б. Жирков, ительмен по национальности. Им созданы хореографические миниатюры «Танец охотников», «Танец рыбаков», «Танец масок», для женской группы танцы «У реки» и «Волны». В репертуаре ансамбля, известного не только в России, но и за рубежом, песни и танцы на мелодии и слова поэта и музыканта Г.Г. Поротова: «Рыбацкий ритуальный», «Ковранские ритмы», «Утки», «Мартышка», «Оккенелю», «Норгали», хореографич. миниатюра «Как Кутх (Ворон) катался на горбушах» и другие. Фольклорные музыкальные и художественные традиции ительменов в настоящее время ярко проявляются в ежегодном осеннем празднике "Алхалалалай". Это обрядовый календарный праздник, знаменующий собой завершение хозяйственного цикла. В празднике в обрядовой форме воспроизводятся элементы мифов о сотворении мира и ритуалы, связанные с благодарением природы. Время проведения: Начало конец сентября Место проведения: с. Ковран Тигильского района - с. Сосновка Елизовского района (этноплощадка "Пимчах") Это осенний ительменский праздник, ознаменованный окончанием лета и благодарением природе за дарованный урожай: рыбу,

мясо, ягоды, грибы и другие. В этот день ительмены приносят дары рыбному Богу Хантаю, отпугивают злых духов и очищаются от грехов. Сохраняя традиции ительменского народа, обряд был восстановлен в ноябре 1988 года в ительменском селе Ковран, на берегу реки Ковран, силами общественной организации Совет ительменов Камчатки «Тхсаном». Крестным отцом обряда «Алхалалалай» является Борис Жирков. «Алхалалалай» – это не только праздник, это-то мероприятие, где ительмены консолидируют силы для сохранения и пропаганды своей культуры. Алхалалалай начинается с обряда, продолжается концертной программой. Гордостью Алхалалалай являются конкурсы, которые тесно переплетаются с традиционными видами деятельности ительменов: рыболовством, охотой, собирательством, песнями и танцами:

- Лучшего обработчика лосося;
- Мимсх (Лучшей хозяйки);
- Лучшего национального блюда;
- Лучшей ительменской гримасы;
- Смешной байки про аборигенов;
- Лучшего исполнение песни на ительменском языке. Изюминка праздника – Открытый чемпионат России по танцам коренных народов Камчатки (танцевальный марафон). Танцевальный марафон – завораживающее действие, когда невозможно оставаться пассивным зрителем, а ноги практически у каждого кидаются в пляс. Первый танцевальный марафон состоялся в 1997 году и продолжался 1 час. Сегодня марафон начинается вечером, когда на небе появляется луна, и завершается к обеду следующего дня. В 2011 году был проведен Открытый чемпионат России по танцам коренных народов Камчатки, продолжительность которого без перерыва составила 16 часов 10 минут и каждый год она увеличивается. В 2012 году он продлился 16 часов 20 минут. В нем приняли участие танцевальные пары из Бурятии, Ямало-Ненецкого автономного округа, Санкт-Петербурга, сборная пара, в которой один партнер из Швейцарии, а другой – уроженец Камчатки, Горный Алтай, Сахалинской, Кемеровской областей, Норвегии и Мурманской области. Сегодня Алхалалалай проводится в селе Ковран (Тигильский район) и в этнографической деревне «Пимчах» (Елизовский район) и объединяет ительменов из разных сел и поселков Камчатского края. Также в празднике принимают участие коряки, эвены, алеуты и представители других этнических групп.

Камчадалы

Камчадалы этнографическая группа русских, старожильческое население современной территории Камчатского края, Магаданской области, Чукотки, образовавшееся вследствие этнических контактов немногочисленных русских переселенцев с представителями аборигенных северных этносов. В XVIII веке термином камчадалы обозначали ительменов. В наибольшей мере на происхождение и культуру русских камчадалов повлияли ительмены, в меньшей степени также коряки, чуванцы. Язык камчадалов

русский. К началу XX века на Камчатке насчитывалось около 3600 человек местного русско-ительменского населения, которое представляло одну этнографическую группу с общими чертами культуры и быта и русским языком общения Камчадалы - этническая группа метисного происхождения потомки от смешанных браков аборигенного оседлого населения и русских старожилов Камчатки. В настоящее время потомки камчадалов, связанные с традиционным хозяйством, живут в Соболевском, Большерецком, Мильковском, Усть-Камчатском и Елизовском районах Камчатской области. К камчадалам относит себя группа метисного населения города Петропавловска-Камчатского. Небольшая часть населения смешанного происхождения, относящая себя к камчадалам, проживает в Тигильском и Пенжинском районах Корякского автономного округа, Ольском районе Магаданской области. Группы метисного населения Камчатки начали складываться в середине XVIII века и разрастались по мере увеличения русского населения полуострова. К началу XIX века на Камчатке существовало 5 русских острогов и 2 крестьянские деревни, а численность русских составляла более 1500 человек. В смешанных семьях женщины, как правило, были аборигенного или метисного происхождения. Русские переселенцы перенимали у аборигенов их систему хозяйства и образ жизни. Культурно-историческое единство метисного населения Камчатки выразилось в двустороннем двуязычии: как русские, так и аборигены владели камчадалским (ительменским) и русским языками. Двуязычие сложилось на Камчатке во второй половине XVIII века благодаря появлению сети церковно-приходских школ и совместному обучению в них детей аборигенов и русских. На основе двуязычия возникло "камчатское наречие" русского языка. Оно, как и двуязычие, до последнего времени сохранялось у старшего поколения камчадалов. Интересно, что среди сказителей ительменских сказок, записанных на ительменском языке в советский период, половина по одной из родительских линий происходила из русских старожилов. Ранняя поголовная христианизация оседлого аборигенного населения Камчатки, с одной стороны, усвоение камчадалского образа жизни и фольклора русскими колонистами с другой, создали в мировоззрении камчадалов комплекс двоеверия, где основы православного вероучения и обрядности переплелись с политеистическими традиционными верованиями и промысловыми обрядами. Фольклорные тексты К., записанные на «камчатском наречии» у потомков населения смешанного происхождения, имеются среди опубликованных записей В.Н. Тюшова (1901), В.И. Иохельсона (1910–1911), Е.П. Орловой (1920–1930), Н.К. Старковой (1960-е гг.). В записках В.Н. Тюшова, фиксировавшего рассказы проводников, говоривших на камчатском наречии, типичные ительменские сказочные и легендарные сюжеты (о Кутхе, брате-медведе, Тылвале) чередуются с камчатским вариантом русских волшебных сказок и преданий (о потопе, грядущем пришествии на Камчатку «главного человека» – «Царя русского», который совершит справедливый суд и сделает всех людей братьями). Разнообразие жанров и сюжетное изобилие фольклора камчадалов отразились в творчестве поэта и писателя Г.Г. Поротова (1919–1985). Формирование камчадалской культуры происходило неравномерно в разных районах полуострова. В долине реки Камчатки, где было большее число русских поселений и лучшее сообщение между ними, культурное смешение русских и аборигенов происходило уже в сер. XIX в. На западном побережье в аборигенных селениях, удаленных от русских соседей, дольше сохранялся родной язык, а процесс сложения единой камчадалской культуры шел замедленно. В последнее десятилетие XX века в среде камчадалов наряду с возвращением интереса к православию происходит интенсивный процесс возрождения

древних языческих элементов камчатальской культуры. На основе местных традиций, литературных данных, а также заимствований из культуры современных ительменов у камчадалов возрождаются обрядовые календарные праздники (весенний праздник Первой рыбы, осенний "Алхалалалай"), музыкальный, песенный фольклор, прикладное искусство.

Кереки

Керéки (самоназвания аҟалҟакку «приморские люди», каракыкку от чук. кэрэки́т) один из палеоазиатских народов России. В XX столетии жили в населённых пунктах Беринговского района Чукотского автономного округа (Мейныпильгыно, Хатырка, Беринговский). Проживали в нескольких посёлках отдельными семьями смешанно с чукчами, подверглись ассимиляции с их стороны. Говорят в основном по-чукотски и по-русски, пассивно сохранялся также керекский язык, который относится к чукотско-камчатской семье. Близок к корякскому языку, часто считается одним из его диалектов. В лексике кереков встречаются также элементы эскимосского.

Традиционное хозяйство кереков было основано на рыболовстве, ловле птиц, морском и пушном промысле, приморском и тундровом собирательстве. Рыболовством занимались летом. Основными орудиями лова были остроги (атчина) и специальные тупые стрелы. Сооружали запоры и плотины и глушили рыбу дубинками (куплунан) во время хода на нерест нерки, горбуши, чавычи, кеты и гольца. Рыбу заготавливали впрок вялили на вешалах и квасили в ямах. Для повседневной пищи ловили навагу, корюшку, сига в реках, палтуса и камбалу в море. Ставили сети, в прошлом из жил кита, с берега при помощи спец. шеста. К концу XIX в. стали приобретать сети из крапивы у коряков и чукчей. В XX в. распространились фабричные ставные сети. Пернатых промыслили на морских скалах и во время перелетов. Весной на птичьих базарах спускали со скалы сеть (пайнинтын) из жил кита, кайры пугались, слетали с гнезд и запутывались в снасти. Бакланов ловили, распуская сеть на поверхности моря. Известны были петли на шестах, их надевали на шею сидящему баклану. Птицу стреляли также из лука (томары). Из красных мясных зверей охотились на дикого оленя, горного барана, медведя. На волков ставили ловушки из пластинок китового уса, замороженных в жир. В голодные годы добывали также мелких грызунов (мышей, сусликов, тарбаганов), песцов и лисиц, которых выкапывали из нор, стреляли из лука. Ели домашних собак. Пушной промысел не играл существенной роли. Промыслили росомуху и речную выдру. Большое значение имело собирательство: морской капусты, водорослей, моллюсков на берегу моря; шикши, голубики, брусники, морошки в тундре. Разводили собак, которые очень высоко ценились у чукчей и коряков. Специально выращивали собак для жертвоприношений.

Средствами передвижения летом служили преимущественно лодки байдары корякского типа, которые значительно короче и шире эскимосско-чукотских, зимой собачьи упряжки с приземистыми, многокопыльными нартами, напоминавшими грузовые нарты чукчей и коряков. Собак запрягали попарно цепочкой. Были распространены ступательные лыжи чукотско-камчатского типа, в конце XIX в. замененные скользящими лыжами восточно-

сибирского типа. Грузы перевозили волоком или несли на спине, обмотав специальным ремнем. С первых заморозков жили в зимних поселениях на галечнике, на небольших сопках или косах. Поселения состояли чаще из 1 землянки куймайаана (жилье с ответвлениями). Яма имела глубину от 0,5 м. По углам квадрата вкапывали 4 столба, отстоящих друг от друга на 2–4 м, которые соединялись перекладинами. На них укладывали толстые жерди, под наклоном закрепляя в земле. Сооружение утепляли дерном и песком, зимой покрывали слоем льда. Вверху оставляли светодымовое отверстие, которое закрывалось кусочком льда. Во время сильных морозов перед входом устраивали длинный снежный коридор (хуттуйун). Пол засыпали галькой. Вдоль стен оставляли земляной выступ, который использовали в качестве хозяйственного стола. Каждая семья имела свой полог, но пользовалась общим очагом. Спали головой к восходу солнца. Имелись кладовые 2 типов: ачаан для хранения небольших запасов вне землянки, илпахайакку, соединенные ходом с землянкой. Летом в местах рыбного промысла, на террасах рядом с нерпичьими и моржовыми лежбищами устраивали временные жилища типа шалаша. Спасались от противника в труднодоступных местах: в пещерах, на скалах, на мысах, строили укрепления. В XX в. основным жилищем кереков стали рубленые избы. С середины XX в. началось селение кереков в укрупненные новые поселки Мейныпильгыно и Хатырку. Кереки старшего поколения сопротивлялись этому, предпочитали жить на местах промысла. Селения нового типа улучшили бытовые условия жизни кереков, но привели к утрате традиционной культуры.

На одежду кереков в XIX в. сильно повлияла традиция чукчей. Мужская верхняя одежда глухого покроя, расширяющаяся книзу кухлянка, мехом внутрь из 2 оленьих шкур, положенных хвостовой частью вниз. На подоле, на месте хвоста, вшивались полукруглые клинья. Ворот на груди вырезали низко и закрывали меховым воротником-шарфом. Опушкой на рукавах и вороте служил собачий мех. Рукава были широкие в проймах и суживались к кисти. Зимой поверх одной надевали вторую, верхнюю кухлянку такого же покроя, но мехом наружу. Женская одежда состояла из двойного комбинезона керкера. Глубокий, до груди, вырез ворота завязывали двумя ремешками. Рукава оторачивали собачьим мехом. Штаны комбинезона собирались на вздержку ниже колен и застегивались ремешками поверх обуви. Летом носили только нижний керкер. Обувь кереков поршневидная, близкая к обским: к подошве из толстой моржовой кожи пришивали носок и голенище со швом спереди. По бокам широкие завязки и петли из шкуры нерпы. Известна также обувь типа башмаков: союзки огибают пятку и сходят на нет к носку, голенища составлены из 5–6 полос камуса и срезаны сверху прямо. У женщин встречается вариант с голенищем, составленным из 4 полос, и узкой союзкой, окаймляющей подошву. Головным убором у мужчин был двойной капор, сшитый из шкурок с лапами собаки, росмахи, выдры. Состоял из 3 частей: продольной (ромбовидной формы), покрывающей темя и затылок, и боковых, закрывавших уши и щеки. Капор имел спереди и сзади опушку из меха собаки и завязывался над подбородком петлей. Летом надевали капор без подкладки. Женщины чаще покрывали голову капюшоном от керкера. Пища кереков состояла из рыбы и мяса, которые вялили, варили, морозили, с конца XIX в. также солили и коптили. Широко использовали рыбий жир, сало морских и таежных зверей. Из птиц употребляли главным образом кайру. Тушки наполняли яичным желтком, затем варили. Впрок заготавливали вялением над костром. Лакомством была колбаса из птичьих яиц (павайлаан): пищевод птицы, предпочтительно

чайки, или кишки оленя или медведя надували и высушивали, заливали желтки из яиц кайр, чаек, гаг и затем варили. Сырыми или вареными употребляли в пищу морскую капусту, водоросли, моллюсков, ягоды. Готовили в земляной печи (пуйалкык) в яме, обложенной плоскими камнями, разводили огонь, когда камни нагревались, угли вытаскивали и закладывали дичь, рыбу, мясо, сверху покрывали плоским камнем и засыпали песком или землей (аналогичной ительменскому). Для хранения припасов использовали плетеные корзины и тарелки.

У кереков были анимистичные представления о мире, населенном добрыми и злыми духами, духами-хозяевами природы и зверей. Существовала система двадцатиричного счета по числу пальцев на руках и ногах. Керекки знали пиктографичное письмо. Известен обычай, связанный с постройкой нового дома: 4 основные стойки землянки обмазывали смесью толченых ягод шикши, корешков клайтони и жира. Затем смесь выносили из землянки на маленьких подносиках-тарелках и разбрасывали в разные стороны, чтобы ублагодотворить духов. Расставляли вокруг жилища 5–6 стрелок, настораживая их против злых духов. По возвращении с охоты керекки исполняли обряд благодарения (кликпыттувак): охотника с добычей хозяйка землянки встречала песней, в которой восхвалялись зверь и добывший его охотник. Кости съеденного зверя собирали в кучу, позвонки нанизывали на специальный ремень и торжественно относили на берег моря, где закапывали в песок или гальку. Туда же клали вяленое мясо, юколу, ягоды шикши. Встречая хозяина после долгого отсутствия, в него бросали горящую головешку из очага. Считалось, что это отпугнет злых духов, приставших к охотнику в пути. Сохранились культы волка и медведя: их изображениям поклонялись, приносили жертвы, просили у них удачи. Имеются сведения о праздниках, посвященных добыче медведя, кита, о специальных местах для жертвоприношений «хранителям деревни» камак (буквально блюдо, поднос от маленького продолговатого деревянного блюда, использовавшегося во время обряда). Возлеобнаружены большие скопления черепов моржей, фигурки птичек с нерпичьей головой, совы. Было распространено шаманство. Шаманы предсказывали погоду, удачу в промысле, лечили больных и совершали другие обряды. Они имели специальную одежду распашную, длинную, расшитую узорами, отороченную собачьим мехом. Женщины могли колдовать.

Керекки знали 2 способа погребения: зимой умершего бросали в море, летом закапывали в землю. Сухожилиями, не делая узлов, шили для умерших специальную одежду (лумийан). В ней не должно было быть прорех и дыр (иначе у детей и близких умершего появятся раны). Опушку на капюшоне, подоле и рукавах делали из белой собачьей шкуры. Капюшон на голове умершего затягивали, оставляя открытым только нос. Грудных детей хоронили, закапывая под стеной жилища: считалось, что кто-то из родственников не пожелал вернуться в мир живых (в детях видели нов.воплощение предков). Детей, родственник которых умер, крепко связывали ремнями и сажали на привязь. После похорон их освобождали и заставляли выть и лаять по-собачьи.

Фольклор кереков представлен сказками, записанными в 1940–1990-е гг. как в русском пересказе, так и на языке-первоисточнике В.В. Леонтьевым и А.С. Асиновским. В связи с трудностями идентификации кереков, как отдельного этноса иногда керекские сказки трактовались как корякские или, наоборот, чукотские сказки принимали за керекские. Основные жанры керекского фольклора сказки (волшебные и о животных), заговоры и

песни. Главный герой Кукки (Ворон) персонаж, характерный для фольклора народов Северо-Востока и отчасти северо-американских индейцев. Керекские сказки о Кукки сюжетно близки ительменским. Кукки выступает как трикстер (трюкач, плут), сохраняя все отрицательные черты этого персонажа: лентяй, трус, обманщик, простака, женолюб, но не сознательный злодей. Изредка, в отдельных сюжетах, он творит волшебство. Помимо Кукки ведущими персонажами сказок выступают его жена Мити, сыновья Сикулылан и Ауппали, дочери Синиллымнылаккут и Анаййуптынаккут. Некоторые детали в сказках отражают особенности духовной культуры кереков. Перед совершением кокого-либо поступка герой просит разрешения у «бабушки» (эллапиль), что является отголоском матриархата. Младшие дети в фольклоре кереков обычно умнее своих родителей, постоянно поучают их. Это связано с представлением кереков о возвращении предков в образе родившихся детей.

Музыка кереков относится к малоисследованным музыкальным культурам. Генетически она родственна музыке коряков и чукчей; наиболее тесно контактирует с локальными традициями мейпыпильгинских чукчей и алюторских коряков-нымыланов. Она представляет единство 3 сфер: песенной куликул, фоноинструментальной – хайнанан и т.н. «горловых игр» пилгайнан. В песенной сфере сложилась традиция персонального закрепления напевов за конкретными субъектами: людьми, животными, птицами, насекомыми, духами и т.п. Обычно «поющие» имеют 2–3 и более именных напевов олиготонной структуры. Процесс напевания кумныйлык отличается 2 стилистическими формами: интимной (без бубна) и праздничной (с бубном). Праздничное пение нередко сопровождает персональные танцы (млаук). Шаманское пение ананытутук (как с бубном, так и без него) «передает» голос духа и называется куликул сйаванан (буквально «голос использовать»). Для колыбельного пения характерно скачкообразное движение мелодии. Ласковое речитативное припевание (такыйтан), обращенное к малышу, является своеобразной формой звукового оберега, подаренного ребенку. Фоноинструментальная сфера отражает традицию звукового поведения в различные моменты жизни и деятельности. Собственно музыкальная область – это игра на пластинчатом варгане (ванны йай) и на круглом бубне с крестовидной ручкой-держалкой, узкой обечайкой и тонкой мембраной из желудка нерпы. Шаманский бубен отличают от праздничного подвески-погремушки (уйуйусахтку) на обечайке. Подвески-погремушки в виде колокольчика или бубенчика (кункуана) использовались в качестве оленьего ботала, детских игрушек, а также звуковых украшений на одежде. Аэрофон – жужжалка-пропеллер (кайтал), помимо игрушки для детей также имела магическое значение и, по представлениям кереков, «влият на появление ветра». Все пищалки и свистки кереков являлись прежде всего охотничьими манками, но могли выступать и как собственно музыкальные инструменты; это язычковая пищалка из пера красной птицы халгасин уйупчанан; ленточная пищалка между 2 брусками утусин уйупчанан; свисток из полого стебля травы, закупоренного с одного конца и срезанного наискось с другой, уйупчанан (иногда его делали из гильзы или тальниковой ветки); двуязычковая пищалка из бересты халгасин хайнанан. «Горловые игры» горлохрипение на вдохе и на выдохе сопровождают женские танцы и изображают «голоса» прибрежных птиц и морских животных.

Кеты

Кэты (самоназвание кето, кет «человек», мн. ч. денг «люди», «народ»; ранее применялись этнонимы остяки́, енисейские остяки́, енисейцы) малочисленный коренной народ Сибири, живущий на севере Красноярского края. Используют кетский язык, который относится к группе енисейских языков.

Кетский народный календарь отразил главные занятия годового цикла: пешая охота на лося и линяющую водоплавающую дичь, массовый лов рыбы котцом (загородка с плетеной ловушкой). Орудия промысла отличались универсальностью. Кетские лук и стрелы (славились на Енисейском Севере, были предметом обмена) использовались для охоты на все виды животных и птиц; силки и ямы служили для добычи и боровой птицы, и кр. животных. Ставные сети и котцы применялись в рыболовстве и при охоте на линяющую дичь. С приходом русских и включением кетов в орбиту товарных отношений (до XX в. преобладали выплата ясака пушниной и обменная торговля вместо денежной) главным становится пушной промысел (соболя, белки). Распространяются новые ловушки обмет на соболя, черкан, пасть. Из-за недостатка денежных средств огнестрельное оружие внедрялось медленно. К 1920 в 33% хоз-в основным оружием оставался лук, окончательно вытесненный лишь к 1930-м гг. Для передвижения на отдаленные угодья в отдельных хозяйствах использовались олени. Однако значительная часть кетов, а подкаменнотунгусская группа целиком всегда были безоленными. До распространения товарного пушного промысла семьи кетов, стационарно (в течение 9 месяцев) жили в землянках на стойбищах в верховьях рек, возле стариц. Сюда они переправлялись по воде с мест летнего лова рыбы в начале месяца «замерзания земли» (октябрь). До образования толстого слоя льда ловили в реке рыбу небольшими котцами. Мужчины по мелкому снегу уходили с 1–2 ночевками на охоту (в календаре это время именуется «малой ходьбой»). Охота прекращалась с наступлением периода коротких дней самого темного и холодного времени, не позволявшего заниматься промыслом. В следующем месяце (длинных дней) мужчины начинали «большую ходьбу» охоту на отдаленных угодьях; их могли сопровождать жены, дети и старики оставались на стойбище. На расстоянии дневного перехода ставили чумы и жили 3–4 дня, достаточные, чтобы охотники успели освоить окрестные угодья, а женщины перетащить груз с предыдущей стоянки. В период сохатого (февраль.) решающее значение имел промысел копытных. С его завершением семья проходила большую часть зимнего пути. Устраивалась длительная стоянка на весь следующий месяц орла (в это время орлы возвращались на свои летние гнездования). Охотники в поисках копытных и пушных животных уходили на несколько дней (на «маленькую ходьбу», как осенью), а семьи оставались на месте, женщины и старики проверяли ловушки на зайцев и глухарей. Удачная добыча копытных отмечалась отдыхом и особым обрядом благодарения. Вслед за ледоходом спускались на илимках с верховий. Кончался «лесовой» и начинался «береговой» период жизни кетов (когда-то это время считалось началом нового года). Название его этапов – «котцового», «линьки уток» (различных пород) и «нельмы» – отражают главное хозяйское занятия в это время. Семьи жили на берегу вплоть до нач. периода «опадания листвы», добывая для каждодневного питания рыбу и боровую дичь. Мужчины чинили нарты, лыжи, женщины и подростки собирали ягоды, орехи, делали заготовки лекарственных трав, корней и др. Во время «замерзания земли» кеты отправлялись к своим землянкам. Обратный путь начинали в

месяц «бурундука» (март), останавливаясь только для ночевки. Возвратившись на стойбище, ждали появления пропарин на озерах и мелких речках, где можно было поставить сеть в ожидании первого в месяце «щуки» улова, подкараулить пролетающую птицу. Котцовое рыболовство, промысел копытных, охота на линяющую дичь были коллективными занятиями.

Так же, совместными усилиями, строили землянки, свайные хоз. лабазы, сараи для оленей, лодки-илимки и т.д. До нач. XX в. У кетов. преобладали стойбища из семей кровных родственников или свойственников (родственных по браку). Состав стойбища определялся потребностью в числе трудоспособных: во время котцового лова рыбы, добычи линяющей дичи в стойбище объединялись несколько семей; пушнину промышляли одной семьей, для добычи копытных несколько семей вновь объединялись. При осенней охоте по мелкому снегу на лося, на дикого оленя от стойбища выделялось не менее 4–5 участников, при зимней (основной) добыче копытных число охотников могло быть меньшим, т.к. животные увязали в глубоком снегу. Рыболовные и охотничьи уголья находились в наследственном пользовании семьи. Распоряжался угольями глава группы принимал на котцовый лов или в кочевье новых членов, заботился о путевых знаках, распределял участки для пушной охоты и т.д. Некогда коллектив стойбища выступал не только как производственная единица, но, судя по фольклорным данным, мог выполнять и военные функции. Ядро составляли мужчины среднего поколения, глава стойбища совмещал обязанности хозяйственного руководителя, военачальника, а иногда и шамана. Безоленные кеты совершали свои многокилометровые переходы и преследовали добычу на оклеенных снизу камусом широких лыжах из ели (ас'лен). По весеннему насту передвигались на лыжах-голицах. Груз перевозили на ручной нарте (сул') легкой, подвижной, с передней дугой «бараном», защищающим от кустарника и валежника. Тащить нарту помогала собака. Различались мужские 3-копыльные и женские 4-копыльные нарты. Охотник, отправлявшийся в тайгу на 1–3 дня, загружал нарту только необходимым. При перекочевках мужчины с легкой нартой прокладывали дорогу в снегу. Женщины транспортировали имущество, продукты, перевозили детей и больных, поэтому их ручная нарта была массивнее и имела спинку для перевозки малолетних детей или колыбели с младенцем. Спинку нарты хозяйки семьи украшала с наружной стороны резьба с традиционным изображением вселенной. Подобные кетским ручные нарты были распространены у селькупов, шорцев, хантов, они типичны для культур пеших рыболовов и охотников тайги. При кратковременных переходах пользовались волокушей. Груз заворачивали в шкуру лося, стягивали ремнями, человек тащил волокушу с помощью лямки (дапта) из вываренной и простеганной в несколько слоев бересты, медвежьей или оленьей шкуры, прочной кожи налима. На зимнем промысле семьи, имевшие оленей, совершали перекочевки на оленьих упряжках. Аргиш семьи составляли 3–5 санок, однотипных по конструкции, с высокими, косо расположенными на полозьях копыльями; отличия зависели от назначения. Мужские санки были на 3 копыльях, без «барана»; грузовые имели «бараны» и 4 пары копыльев, женские – еще и высокую спинку. Не управляемая человеком оленья нарта везла ящик с продуктами, утварью. Конструкция санок и упряжь у кереков были самодийского типа как у ненцев, энцев, селькупов. Другое речное средство передвижения у кетов большие лодки-илимки (ас'ел) с жилой частью, крытой берестой, и мачтой, заканчивающейся флюгером. Весной в илимках сплавливались по притокам на Енисей, при попутном ветре шли под парусом из холста. В трудных

местах у водоворотов, порогов останавливались, совершали обряд бросали в воду еду, табак, бисер, чтобы умиловить хозяина порога. С началом охотничьего сезона на илимках же поднимались на места осенних стойбищ. Против течения лодку с грузом тащили бечевой. На зиму ее вытаскивали на катках на берег. На мелководных притоках и озерах широко использовались выдолбленные из осины ветки (дылти).

Традиционное жилище кетов конический чум кус, покрытый берестяными тисками, и землянка бан, нус (земляной чум) углубленная в землю постройка с каркасом из бревен и земляным покрытием. Остов чума составляли 7 или 10 основных шестов, скрепленных привязанным изнутри обручем. При установке чума сначала оборудовали очаг; на место кострища насыпали землю, смешанную с песком, отгораживали очаг поленьями. Устанавливали 2 центральных опорных шеста, соединенных концами (один входил в развилку др.) так, что место их соединения приходилось над центром кострища. Таганом служила палка с зарубками, воткнутая наклонно над костром со стороны входа в чум. Остов чума накрывали берестяными тисками, подвешивали дверь из 2 плотных слоев бересты. Наружную сторону украшали орнаментом «глаза двери» резным узором по верхнему слою бересты с подложенной цветной тканью. Его считали обязательным, т.к. иначе дверь будет «слепая». Внутри чума на земляной пол укладывали берестяные подстилки, пихтовые ветки. Яма землянки была 4-угольной, с углублением со стороны входа. Основу каркаса составляли 2 пары стропил, вкопанных в землю. У входа и с противоположной стороны к стропилам прислоняли более тонкие бревна. Каркас покрывали досками, дранкой, а затем засыпали землей, обкладывали дерном. Очаг оборудовали в ср. части землянки, ближе к входу. Отапливали с помощью чувала (сонол) из прутьев или тонких реек, промазанных глиной. Дневной свет проникал через небольшое отверстие в крыше, закрытое льдом. Жилище кеты устанавливали так, чтобы сторона, противоположная входу, была направлена на восток или юго-восток. Она и внутренняя площадь до очага считались «чистой». Непременная часть убранства несколько низких столиков из березы (л'ам), за каждым ели 2–3 чел. Для мужчин, старших членов семьи и гостей столики накрывали в передней части жилища. Постельные принадлежности состояли из меховой подстилки (оленья шкура) и такого же «одеяла», сшитого наподобие мешка. Под голову свертывали парку, клали мягкие сумки или подушки из птичьего пуха. Летом спальные места отгораживали пологом из легкой ткани. Судя по назв. и некоторым деталям устройства, чум был известен предкам кетов еще в южносибирский период контактов с тюркоязычными кочевниками. Землянка вариант жилища древних рыболовов и охотников тайги (в т.ч. хантов, селькупов). Первые срубные дома появились у кетов в нач. XX в. у семей, осевших в деревнях. Окончательно кеты отказались от землянок во 2-й пол. 1950-х гг. Чум бытовал дольше, но только в качестве временного жилья на промысле. На летних стоянках ставили крытые берестой сводчатые шалаши из прутьев тальника «получумы», при ночевках на зимней охоте вырывали в снегу яму и устраивали из веток и тисок заслон от ветра. Летом во время рыболовного промысла семья могла размещаться на ночь в крытой лодке-илимке.

Традиционная одежда кетов была распашной. Зимой носили парку из оленьей шкуры и стеганный суконный кафтан (котл'ам) с характерными цветными бейками на плечах и у ворота, на подкладке из заячьих шкур (бэсем). Покрой женской и мужской одежды был одинаков, но различался длиной: женская до щиколоток, мужская ниже колен. Женскую

одежду из сукна более яркого цвета украшали бусы на завязках и меховая окантовка пол. Одежду кеты запахивали на левую сторону (на правую на покойнике). Мужчины низко подвязывались суконными поясами, украшенными вышивкой белым подшейным волосом оленя, медными бляшками, цветной окантовкой и бейками. Поясами из цветной, часто красной ткани дл. до 3 м плотно, несколько раз обертывались женщины: этикет требовал, чтобы в присутствии мужчин и старших женщин ноги и грудь молодой женщины были закрыты. За работой длинные полы заправляли за пояс, высвобождая правую руку, спускали одежду с плеча. Особенности покроя и способ ношения распашной одежды кетов находят аналогии у южносибирских и центральноазиатских кочевников. До распространения рубахи и платья (рубахи, надставленной по подолу) из покупного ситца натальной одеждой были короткие натазники из ровдуги у женщин и штаны у мужчин из оленьей шкуры (зимние), ровдуги или плотной ткани (дабы, тика). Летом носили ровдужную обувь с голенищами до середины икры или короткие кожаные черки. В дождливую погоду поверх ровдужной обуви надевали снятую чулком шкуру гагары. Зимняя обувь составная, с головкой из камуса и суконными голенищами. Поверх голенищ мужчины надевали подвязки, вышитые бисером, подшейным волосом оленя и т.п. С зимней обувью носили чулки из тонкой оленьей шкуры или сукна. В качестве стелек и портянок использовали сухую болотную траву. Старинным головным убором кетов была, видимо, шкура с головы оленя, замененная со временем капорообразной шапкой из птичьих шкурок и шкур мелких животных, сукна, оленьего меха. Курейские кеты предпочитали меховые капоры эвенского образца. Но у большинства кетов головным убором всех сезонов был покупной платок. Мужчины и женщины носили его одинаково сложив по диагонали и завязав концы под подбородком. Мужчины и зимой охотились в платке из ситца: он позволял расслышать малейший звук. Чтобы защитить лицо от ветра, а глаза от блеска весеннего снега, поверх платка надевали налобник из плотно нанизанных на ремешок беличьих хвостов. У кетов, имевших олений транспорт, была глухая меховая одежда. При переездах на санках мужчины поверх парки надевали сокуй с капюшоном или малицу. От холода спасала и высокая (до паха) обувь, целиком сшитая из оленьих камусов. Прическа зависела от возраста и социального положения человека. Дети носили волосы распущенными. Подростки, юноши и девушки заплетали их в одну косу с одинаковым украшением косоплеткой, на 3 свободных концах которой нанизывались бусы. Девушки при замужестве заплетали 2 косы и надевали особое женское украшение: широкая, расшитая бисером часть его приходилась на затылок, а 2 длинных конца вплетались в косы и соединялись внизу перемычкой. (Когда-то орнамент на женском украшении информировал о роде, новым членом которого становилась женщина.) Вдовы некоторое время ходили с распущенными косами.

Основу пищи кереков составляли продукты их натурального хозяйства. Зимой ели мясо копытных (лося, оленя), боровой дичи, большинства добываемых пушных животных, заготовленные рыбные припасы. У кетов, пользовавшихся оленьим транспортом, главным покупным продуктом была мука. Из нее пекли лепешки (нан), используя особые глинобитные печи или раскаленную золу костра. Летом питались рыбой, в конце сезона в рацион входила дичь. Мясо и рыбу варили, жарили на рожнах, ели в мороженом и сухом виде. Из котцового улова готовили порсу, юколу, «варку», рыбий жир. При успешной добыче копытных излишки мяса сушили или замораживали. Немаловажное, хотя и подсобное, значение имела растит. пища (ягоды, клубни сараны,

черемша, сушеные листья растений). В голодные периоды, особенно весной, когда кончалась купленная у торговцев мука, ели лепешки из порсы, смешанной с толченой еловой корой; чай заменяли отварами трав. Низкий жизненный уровень кетов не способствовал широкому проникновению в их рацион покупных продуктов, а стихийность промысловой удачи и особенно наличие «пустых» межпромысловых периодов вызывали частую нехватку еды. С пищей были связаны многочисленные запреты, особые требования к разделке, обработке и приготовлению добытого. Запрещалось есть мясо животных, птиц (лебедя, орла), которые воспринимались как давно жившие люди. При разделке туши запрещалось проливать кровь животного, нарушать целостность скелета (кости расчленяли по суставам), что было связано с представлением о воскрешении добытых животных. Кеты верили в возможность получить через пищу желаемое (или нежелаемое) свойство или качество: съевший

сердце глухаря приобретет особую осторожность, сумевший проглотить, не жуя, глаза медведя будет долговечным и т.д. В отношении ритуальной пищи особенно соблюдались половозрастные предписания: голову медведя, лося, рыбу первого улова ели только мужчины.

Вплоть до 1-й пол. XX в. у кетов преобладали самодельные посуда и утварь. Покупали медные котлы и чайники, реже фаянсовую чайную посуду (ею пользовались в особых случаях, считая предметом роскоши). Сваренные в котле рыбу, мясо подавали в овальных плоских блюдах, выдолбленных из березового наплыва, рога лося. В них же замешивали тесто. Из березы и рога изготовляли поварешки и чашки для чая и бульона. В каждой семье было много разнообразной по назначению, форме и размерам берестяной утвари (открытые чуманы, туеса, короба), всевозможных мешочков и сумок из звериных и птичьих шкур, рыбьей кожи для хранения продуктов и одежды, курительных принадлежностей, запасов еды для однодневного промысла и т.д. Колыбель (уй) была 2 видов. Временная, из березы, предназначалась одному ребенку, на короткий срок. Деревянная (из кедра) могла служить до 2 и более лет. Нередко в 1 колыбели вырастало несколько поколений детей. Колыбель никогда не выбрасывали и не отдавали чужеродцам. Изготовление изделий из шкур и бересты было женской работой, деревянной утварью семью обеспечивали мужчины. Предметы домашнего обихода кетов (как и других обитателей таежной зоны) отличаются простотой форм, знанием и использованием природного материала. Для социальной организации кетов характерны дуально-экзогамное деление, патрилинейный счет родства, особая роль кровнородственных (родовых) связей в производстве, распределении и наследовании. В кетской семье высокий социальный статус имели мужчины и люди старшего возраста (в т.ч. старухи), женщины сохраняли реальное равноправие. Семейное имущество наследовалось по мужской линии, переходило оставшемуся в отцовской семье совершеннолетнему младшему сыну (старшие отделялись при женитьбе). Бездетному главе семьи мог наследовать брат, другой близкий родственник. В том случае, если не было мужчин, близких родственников мужа, хозяйкой признавалась вдова. Часть общего имущества выделялась женщинам при замужестве или мужчинам, обзаводившимся собственным хозяйством. Оставшиеся в престарелом возрасте без кормильцев могли рассчитывать на кров и хлеб в семьях, не состоявших с ними в реальном родстве, право на помощь давало уже 1 общее родовое самоназвание. Браку предшествовало сватовство-сговор.

Родственники жениха приносили в дом невесты котел с подарками (белчиьи шкурки, платки). Если предложение отвергалось, котел переворачивали вверх дном. При согласии договаривались со стороной жениха о «цене» невесты калыме. В день свадьбы жениху и невесте мыли голову и заплетали 2 косы. Шаман связывал концы кос молодых, соединял их руки, что символизировало единство супругов. Родственники жениха и невесты во время обряда образовывали вокруг них 2 полукольца. Свадьба сопровождалась застольем, играми, состязаниями сородичей в стрельбе из лука и перетягивании каната. Семья стремилась к многодетности (при высокой смертности детей). Малочисленные и экзогамные нормы обусловили интенсивность межэтнических браков у кетов с конца XVIII до середины XX в. с селькупам, в дальнейшем с русскими. Национальность детей определялась по отцу.

Официально кеты считались обращенными в христианство. Миссионерская деятельность православного духовенства осуществлялась на туруханской периферии с начала XVIII в., однако она сводилась к формальному исполнению церковных обрядов среди части населения. Доступными кетам оказались те христианские идеи и та часть обрядности, которые находили соответствие в их мифологии и ритуале. В целом у кетов преобладали шаманизм идеология и народные культы. В представлениях кетов об окружающем мире выделяются 2 временных этапа: 1-й собственно сотворение мира, появление земли, первых людей, животных; 2-й включает прошлое, настоящее и будущее уже созданного мира. Возникновение мира выглядит как появление земли; такие субстанции, как вода, воздух (небо), выступают как бы извечными. Известны представления кетов об исходном внутреннем саморазвитии земли, но их мифологии присуща и идея творца (чаще в единстве 2 начал положительного и отрицательного.). Конструктивные деяния приписываются Есю (верховный персонаж пантеона, олицетворенное небо; бог), мифичному герою Альбе или легендарному шаману Доху. Отрицательное начало представляют Хоседам (жена Еся, изгнанная им на землю, хозяйка Севера и мира умерших), Доттет (образ, не соответствующий высшему рангу Еся, Альбы, Доха), а в сказках злая Кэлбэсам. Скалы, недоступные кряжи, труднопроходимые речные пороги и др. воспринимались как результат деятельности и превращений мифологических героев. Ушел на восточную сторону и стал там каменистым кряжем Альба, с именем которого кеты связывали возникновение Енисея ниже Осиновских порогов и самих порогов, а также многочисленных в этом районе скалистых островов. В порог на Подкаменной Тунгуске обратились легендарный Олгыт и его семья. Спасавшаяся от Альбы Хоседам «прорыла» русло Енисея вниз от Осиновских порогов; ей приписывалось и образование непригодных для жительства затопляемых островов. Происхождение некоторых животных, птиц связывалось не только с деятельностью (волей) того или иного творца, но и с превращением людей (в белку, лебедя, кукушку, орла, гагару). Общая схема устройства мира в мировоззренческой традиции кетов :земля, окруженная водным пространством («семью морями»), плавающая в нем или в нем поддерживаемая; над землей 7 параллельных слоев (кругов, мысов), образующих небо, седьмой из них – небосвод; под землей 7 подземелий-пещер (представления о подземном мире расплывчаты). На земле обитают кынден – кеты (буквально светлые, чистые люди); их место в центре земли, «у ее пупка»; реальные «земляные» звери и птицы, не улетающие на зиму. Среди людей размещаются охранители семьи, сородичей «старухи» (аллел), заместители умерших (данол'с), а также многочисленные хозяева мест и промысловых

объектов Кайгус', Ул'гус, Холай и др. Мир мертвых и вредоносных существ находится ниже каждого реального поселения, стойбища; в верховьях реки обитает ведающий охотничьим счастьем Кайгус' и т.д. На небе в виде светил (солнце, месяц, ряд созвездий) обитают переселившиеся туда с земли люди и животные, там (на юге, в верхнем течении реки) зимуют у своей покровительницы Томам перелетные птицы. Небо, заря, гром, Северное сияние, отдельные звезды персонифицированы в мифологических образах. С подземной сферой связываются реальные существа: крот, землеройка, летучая мышь, мамонт (тел') и некоторые «земляные люди» (баноден), с ними, кроме шаманов, имеют дело особые специалисты (банос). В отличие от неба мужского начала – земля, вода, огонь почитались кетамив образе матерей. Живой человек воспринимался в единстве 2 ипостасей: видимой (тело) и невидимой (ул'вей). Причину болезни и смерти человека связывали с вредоносным воздействием чего-то, попавшего в тело, но чаще с неблагоприятным его невидимого двойника ульвей, ставшего добычей Хоседам, заблудившегося, обессилевшего. Хоседам иногда «возвращала назад» попавших к ней ульвей в таком случае родные видели умершего во сне. Они изготавливали его изображение (данол'с), кормили и одевали как живого человека, снабжали курительными принадлежностями и оружием. Он считался членом семьи, ее покровителем, защитником. Шаманство у кетов не было профессиональным. Его характеризовали представления о даре, наследуемом в кровнородственной среде, 7-кратном (21-летнем) цикле становления шамана, неоднозначности олицетворяемых им образов. Известно несколько категорий кетских шаманов. Сферой действия одних считались земля и нижний мир (шаманы, олицетворявшие при камлании медведя или медведеподобное существо), за другими, олицетворявшими важенку оленя, признавалась способность достигать неба и верх. мира. С уровнем становления шамана были связаны его облачение и атрибуты их частичный или полный комплект, число «обновлений». Полный набор включал особое облачение (парку, нагрудник, обувь, головной убор), бубен с колотушкой, посох, могла быть и особая нарта-ящичек с железными изображениями духов-помощников. Шаманскую атрибутику отличала развитая символика. Индивидуальная обрядность более всего была связана с промысловыми и семейными культами (кормление, одаривание семейных охранителей, «хозяев» отдельных мест и т.д.), жизненным циклом человека, календарными вехами.

Особое место занимал ритуал по случаю добычи медведя (медвежий праздник), в образе которого, считалось, в гости к живым является умерший родственник. Космогония и деяния мифических персонажей составляют сюжеты немногочисленных фольклорных фрагментов. Мифологические корни имеет у кетов широко известный цикл о Кайгусе Верховьев Реки. Им осмыслились ритуал медвежьего праздника и др. обрядность, связанная с почитанием медведя. Значительное место занимают предания, где кетские герои Бальна и его братья, Нюнням, Сясенгусь – сражаются, оказываются поверженными, но побеждают врагов. Героические предания, сказки мифологического характера исполнялись в повествовательной и песенной (иногда смешанной) форме. Популярностью пользовались сказки волшебные, о животных, бытового содержания. Считалось, что некоторые сюжеты, исполнявшиеся определенными людьми и в определенное время, могли оказывать желаемое магическое воздействие: направленное, вызвать потепление, если из-за мороза люди не могли проверять подледные котцы. В бытовых сказках речь обычно шла о нерадивой невестке, злой свекрови, сиротах. Особый жанр рассказы и

былички о случаях на охоте. Были распространены также загадки. У современных кетов практически разрушен традиционный образ жизни, утрачена их самобытная культура.

Музыка кетов представлена локально-этническими традициями курейской (северной), имбатской (центральной) и сымской (южной). В жанрово-стилистическом отношении музыка кетов включает 4 сферы: песенно-лирическую, мифоэпическую, обрядовую и инструментальную. Песни иль (имб.), ир (сым.) являются персональной характеристикой фольклорного певца (каждый кет.имел 1 мелодию, а исполнители песен до 6). Песни кетов – колыбельные, песни-приветствия (этикетная сфера пения), песни-состояния (плач, жалоба и т.п.), любовные высказывания и воспоминания о лирических событиях в жизни имели либо импровизационные, либо традиционные тексты. В создании персональных мелодий кеты придерживались некоторых общих стилистических признаков: чередование плавного мелодичного движения со скачкообразным, мелизматичная маркировка в сочетании с широким диапазоном. Локальные мелодические признаки отличают напевы курейских кетов (благодаря «хриплым» тембрам в низком диапазоне и широким по амплитуде вибрата) от имбатских (с характерными для них нейтральной формой звукоподачи и субквартовыми оборотами) и сымских (чередующих маркированную «хрипотцу» и фальцетное произведение верх.звучков с нейтральной звукоподачей). Мифоэпич. напевы аськит (курейской.), аськът (имбатской), аскээхт (сымской) представляют песенные «инкрустации» в сказках. Поют в кетских сказках различные персонажи: водяной, покровитель лесных зверей, «Мать-огонь», «Первый шаман» и др. Один из песенных сюжетов, Пикуля, полностью поется и известных во всех локальных групп: у курейской в декламационной манере, у имбатской и сымской в напевной. Обрядовая музыка кетов. включает шаманские и связанные с общественными событиями (свадьба, поминки, ярмарка) песни. Шаманские ку'т (курейские и имбатские), хууть (сымские) разрешается петь только представителям шаманской семьи и близким родственникам. Помощники шамана и присутствующие сородичи вторили шаману. У каждого шамана была своя песня, состоящая из 7 мелодичных подражаний голосам духов-помощников. Шаманы могли наследовать духов и мелодии и обмениваться ими между собой.

Праздничные песни и танцы энгэ (курейские), айгон (имбатские), айгуфын (сымские) выполняли функцию приветствия. Фоноинструменты кетов. связаны с охотой, оленеводством, шаманством, детскими играми и собственно музицированием. На охоте применяются манки пищик из гусиного пера аас'и (курейские.), ас' (имбатские), аахс (сымские) и тальниковый свисток коттоль (курейский), кутиль (имбатский), кучир (сымский), а также охотничья свистящая стрела коттоль кэига (курейский). С оленеводством и шаманством связаны различные подвески-погремушки: ко'й (имбатский) красный колокольчик с язычком, используемый в качестве ботала на шее оленей, а также на атрибутах шамана, дэй (курейские и имбатские) позвонки на рогах оленя, конлок (имбатские), хонырох (сымские) мелкие позвонки на оленьей упряжи и одежде шамана. У шамана ритуальными инструментами были бубен хаас (курейский), ха'с' (имбатский), фас (сымская), колотушка с позвонками (либо в форме погремушки) хадбул' (курейская и имбатская), фадбыл (сымский) и посох с позвонками таа (курейская, имбатская), та'фан (сымская). Звуковые игрушки жужжалка-пропеллер, погремушка из рыбьего пузыря – имели общее название яненс' (имб.) и афынынси (сым.), хыльем (имб.), фылым (сым.).

Собственно музыкальные инструменты – пластинчатый варган со ступенчатым язычком (пымел’); играющая струна-жила да’л’ (кур. и имб.), да’р (сым.), муз. лук кыт (имб.) и 2 разновидности коробчатого смычкового лютневого инструмента с овальным и 8-кообразным корпусом ка’т к’тэ (имб.), кы’чи (сым.). Согласно мифологическим представлениям кетов, звуки музыкальных инструментов в исполнении «хозяйки скалы» Тонолон и «хозяина леса» Кайгуся собирают зверей и птиц. В цикле сказаний о шамане Альбе музыкальный инструмент сопровождает героя в путешествии по миру. Библиография является последним живым представителем енисейской языковой семьи

Коряки

Коря́ки (нымыланы, чавчувены, алюторцы) – народ, коренное население северной части полуострова Камчатка. В настоящее время компактно проживают в Камчатском крае, Магаданской области и Чукотском автономном округе России. Говорят в основном по-русски, около 2 тыс. чел. сохраняет корякский язык, около 1 тыс. алюторский язык. Письменность на русской основе. В отношении религии среди коряков распространено христианство (русское православие), однако остаются сильны традиционные верования (шаманизм).

. Зверобойный промысел был основным занятием береговых коряков Пенжинской губы (итканцев, паренцев и каменцев), играл также важную роль у апукинцев и карагинцев, в меньшей степени им занимались паланцы. Охотничий сезон начинался в конце мая начале июня и продолжался до поздней осени. Весной он носил индивидуальный, а осенью коллективный характер. Основными орудиями были гарпун (в’эмэк) поворотного и неповоротного типа, сети. Во время охоты использовали кожаные лодки-байдары – култаытвыыт (буквально лодка из шкур лахтака) и одноместные челны-кайки – мытыв. Промышляли разные виды тюленей: лахтака, нерпу, акибу, ларгу, крылатку. До сер. XIX в. оседлые коряки Пенжинской губы и алюторцы охотились на китообразных. Добычей моржа занимались апукинцы, алюторцы и карагинцы. К концу XIX в., в результате истребления китов и моржей амер. китобоями, промысел этих животных сократился. Первостепенную роль в экономике коряков стало играть рыболовство. Ловили в основном рыбу лососевых пород. Использовали сети ставного и сачкового типа, удочки (зег’унэн) и крючки на длинном ремне, напоминающие гарпун. Рыболовство дополнялось сухопутной охотой, собирательством дикорастущих ягод, съедобных корней, у карагинцев и паланцев – огородничеством и скотоводством.

Среди орудий охоты были распространены капканы, самострелы (ыйтан), сети, ловушки давящего типа, черканы и т.п. С конца XVIII в. основным стало огнестрельное оружие. У алюторцев в XIX в. получило развитие оленеводство. Олени приобретались ими чаще всего в обмен на продукты морского зверобойного промысла и товары, полученные от русских купцов. Численность стада у оленеводов-алюторцев колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен оленей. Небольшое количество оленей имели также некоторые семьи апукинцев, карагинцев и паланцев.

Для кочевых коряков (чавчувенов) было характерно крупнотабунное оленеводство с численностью стада от 400 до 2000 голов. В течение года оленеводы совершали 4 гл. перекочевки: весной, перед отелом – на ягельные пастбища, летом – в места, где было

меньше гнуса, осенью – ближе к стойбищам, где происходил массовый забой оленей, и зимой – короткие перекочевки недалеко от стойбищ. Основные орудия труда пастухов аркан (чав'ат), посох и палка в виде бумеранга, с ее помощью собирали отбившуюся часть стада. В зимнее время кочевые коряки охотились на пушных зверей.

Зимнее и летнее жилище кочевых коряков – каркасная переносная яранга (яяна), основу которой составляли 3 шеста (ялхыл) высотой 3,5–5 м, поставленные в виде треноги и связанные наверху ремнем. Вокруг них, в нижней части яранги, образуя неправильную окружность диаметром 4–10 м, ставились невысокие треноги, связанные ремнем и соединенные между собой поперечными перекладинами. Верхняя коническая часть яранги состояла из наклонных жердей, опирающихся на поперечные перекладины, верхушки треног и верхние концы 3 основных шестов. На остов яранги натягивали покрывку, сшитую из стриженных или потертых оленьих шкур мехом наружу. Внутри вдоль стен располагались меховые спальные пологи (ёёна) высотой 1,3–1,5 м, длиной 2–4 м, шириной 1,3–2 м. Количество пологов определялось числом семейных пар, живущих в яранге. Пол под пологом застилался ветками ивы или кедровника и шкурами оленя. Преобладающим типом жилища у оседлых коряков была полуземлянка (лымгыян, яяна) длиной до 15 м, шириной до 12 м и высотой до 7 м. При ее сооружении в круглую яму глубиной 1–1,5 м вкапывали по окружности 8 вертикальных столбов и 4 в центре. Между наружными столбами вбивали 2 ряда расколотых вдоль бревен, образующих стены жилища, сверху скрепленные поперечными балками. От квадратной рамы, соединяющей 4 центр.столба и образующей верху вход и дымовое отверстие, к верхним поперечным балкам стен шли плахи скатной крыши. Для защиты от снежных заносов коряки западного побережья сооружали вокруг отверстия воронкообразный растроб из жердей и плах, коряки вост. побережья – заслон из прутьев или циновок. К стене, обращенной к морю, пристраивали углубленный в землю коридор с плоской крышей. Законопаченные сухой травой или мхом стены, крышу и коридор жилища засыпали сверху землей. Очаг, состоящий из 2 продолговатых камней, располагался на расстоянии 50 см от центрального бревна с зарубками, по которому зимой спускались через верхнее отверстие. В период промыслового сезона, с мая по октябрь, в жилище входили через боковой коридор. Внутри, на стороне, противоположной коридору, устанавливали помост для приема гостей. Вдоль боковых стен подвешивали спальные пологи, сшитые из старых шкур оленя или старой одежды. В нач. XIX в. под влиянием русских поселенцев у паланцев, карагинцев, апукинцев и коряков северо-западного побережья Охотского моря появились бревенчатые избы русского типа. К концу XIX в. у карагинцев, алюторцев и частично у паланцев получили распространение наземные жилища якутского типа с деревянным каркасом, сверху обложенным дерном; окна затягивались кишками морских животных или медведя. В центре устанавливалась железная или кирпичная печь с трубой, вдоль стен сооружались деревянные нары. Домашняя утварь оленных и береговых коряков была в большинстве случаев сходна. Оленеводы добывали огонь с помощью дощечки в форме схематичной антропоморфной фигуры, лучка из рога оленя или изогнутой палки с ремнем и сверла. Береговые коряки приобретали у купцов спички и огниво, путем трения огонь добывали в основном при выполнении различных обрядов. Для освещения жилища, а у оленеводов и для отопления спального полога служил жирник (эек) неглубокая чаша из песчаника, устанавливаемая на подставке. В выемку на краю вставляли фитиль из мха, торфа или свернутой в трубочку полоски ткани. В качестве горючего материала береговые

коряки применяли тюлений жир, а оленеводы – костный жир оленя. Готовое мясо и рыбу выкладывали на доску-поднос или деревянное корытообразное блюдо (к'амана). Жидкую пищу ели из деревянных долбленых чашек ложками, сделанными из дерева или рога горного барана. Для воды, сырого мяса, жира и ягод береговые коряки употребляли сосуды из нерпичьей кожи, китового уса, дерева. Жир морских животных хранили в тюленьих желудках или мешках из нерпичьих шкур, олений жир и кровь – в оленьих желудках. Для дробления костей животных, разбивания жесткой и сухой рыбы, корней, ягод, листьев молодых растений и съедобной травы использовали каменный или костяной пест и каменную ступку. У береговых коряков восточного и западного побережий были широко распространены мешки, корзины, короба, сплетенные из крапивных нитей, стеблей морской осоки, колосняка (дикий ржи), корней ивы, сухожильных нитей и шпагата, приобретаемого у купцов. Оленные коряки хранили мягкие вещи в мешках из шкур оленя или нерпы. Большим разнообразием отличались женские ножи (пакул – с лезвием из каменного сланца, пылвынтыпакул – с железным лезвием, а также костяной нож для выкраивания орнамента и т.п.). Мужские ножи с деревянной или костяной рукоятью и прямым металлическим лезвием использовали не только при различных видах работ, но и при приеме пищи. Из утвари, приобретаемой у русских купцов, широко бытовали металлические котлы, чайники, фаянсовые чашки и блюда. Питались оленные коряки мясом оленя, чаще всего вареным, употребляли также кору ивы, морскую капусту. Береговые жители ели мясо морских зверей, рыбу. С XVIII в. получили распространение покупные продукты: мука, рис, сухари, хлеб и чай. Мучную кашу варили на воде, крови оленя или тюленя, рисовую кашу ели с тюленьим или оленьим жиром.

Одежда была глухого покроя. Оленеводы шили ее в основном из оленьих шкур, береговые коряки наряду с оленьими использовали шкуры морских животных. Украшением служил мех собак и пушных зверей. Зимой носили двойную (мехом внутрь и наружу), летом – одинарную одежду. Всесезонный мужской комплект состоял из меховой рубахи-кухлянки (ичг'ын, элымгыки), не достигающей колен, с капюшоном и нагрудником, меховых штанов (к'онайтэ, к'онаё), головного убора (пэн'кэн) и обуви (плакыт, плакти). Надевая двойную кухлянку, верхний нагрудник заправляли внутрь, а нижнюю наружу. К подолу пришивали полосу из выделанной шкуры оленя. Лицевую сторону кухлянок окрашивали в кирпичный цвет раствором из коры ольхи. Полу верхней кухлянки, нагрудник нижней береговые, а иногда и оленные коряки украшали меховой мозаикой. Подпоясывались ремнем. Верхние штаны шили из тонкой оленьей шкуры или камусов оленей, нижние и летние – из ровдуги или кожи, вырезанной из старой покрышки яранги. До конца XIX в. береговые коряки во время промыслового сезона ходили в штанах из тюленьих шкур. Поверх кухлянки для защиты от снега надевали камлейку широкую рубаху с капюшоном из ровдуги или ткани, от дождя – камлейку из ровдуги, обработанной мочой и прокопченной дымом. До нач. XX в. у аляutorцев сохранялась непромокаемая камлейка-дождевик (укэнчи) из кишок моржа, к-рую охотники на морского зверя надевали поверх меховой одежды. Зимняя и летняя мужская обувь была башмаковидного покроя с длинным до колен или коротким, до щиколоток, голенищем. Зимнюю шили из оленьих камусов мехом наружу, летнюю из тонких оленьих, собачьих, тюленьих или нерпичьих шкур, грубо выделанной шкуры оленя, ровдуги или непромокаемой продымленной кожи оленя с подстриженным ворсом; подошву делали из шкуры лахтака, кожи моржа, оленьих щеток. Мужской головной убор – малахай капорообразного покроя носили зимой и летом

коряки всех групп. Верхнюю часть шили из шкур молодого оленя, чередующихся темных и светлых полос оленьих, волчьих или собачьих камусов, а для подкладки использовали шкуры новорожденных или месячных оленят-выпоротков. Края украшали мехом собаки или росомахи, а верх – мозаикой меховой, подвесками из крашеной шерсти нерпы, низками бисера и вышивкой разноцветным бисером. В комплект зимней мужской одежды входили и одинарные рукавицы (лилит) из оленьего камуса. Женщины носили двойной меховой комбинезон (н'авкэй, кэйкэй) длинный до колен. Нижний комбинезон оленные коряки шили из однотонных тонких шкур молодых оленей, верхний из пестрых, береговые коряки из чередующихся белых и темных полос оленьего камуса, украшали меховой мозаикой. Летние комбинезоны коряки шили из продыmlенной шкуры оленя или ровдуги, украшали их полосками красной ткани, вставленными в швы. Поверх комбинезона женщины носили зимой двойную или одинарную кухлянку, сходную с мужской, а весной, летом и осенью – меховую рубаху гагаглю (кагав'лён), значительно длиннее мужской кухлянки. Перед и спинку ее украшали бахромой из тонких ремешков, подвесками из крашеной шерсти нерпы, бисером. Специальных головных женских уборов не было, во время перекочевок женщины оленных коряков надевали мужские малахаи. Женская обувь по покрою и материалам совпадала с мужской. Голенище украшали аппликацией из тонкой белой кожи с шеи собак. Зимой носили двойные меховые рукавицы. До 5–6 лет мальчики и девочки носили комбинезон (калны'ыкэй, кэкэй): зимой двойной, из шкур молодых оленей, а летом одинарный, из ровдуги. Обязательным его элементом был капюшон. Рукава и штанины комбинезонов грудных детей зашивали, а после того как дети начинали ходить, к штанинам пришивали меховую или ровдужную обувь. В одежде детей, достигших 5–6-летнего возраста, уже четко прослеживалось половое различие.

Основной социальной единицей была большая патриархальная семейная община, объединявшая близких, у оленных коряков иногда также отдаленных родственников по отцовской линии. Браку предшествовал испытательный для жениха срок отработки в хозяйстве будущего тестя. По его истечении выполнялся типично национальный обряд «хватания» жених должен был поймать убегающую невесту и дотронуться до нее. Это давало право на брак. Переход в дом мужа сопровождался обрядами приобщения жены к очагу и семейному культу. До нач. XX в. сохранялись многоженство, левират, сорорат. Селение береговых коряков объединяло несколько родственных семей. До начала XX в. производство и общественные функции сохраняло байдариное объединение. Его ядром была большая патриархальная семья, вокруг которой группировались другие родственники, занимающиеся промыслом. Стойбище оленеводов насчитывало от 2 до 6 яранг. Главным его был владелец большей части оленьего стада, руководивший не только хозяйственной, но и общественной жизнью. Связи внутри стойбища основывались на совместном выпасе оленей, скреплялись родственными и брачными узами и поддерживались древними традициями и обрядами.

До начала XX в. у коряков были распространены промысловые обряды, выполняемые по случаю добычи зверя и связанные с верой в его «оживление» и «возвращение» к охотникам в будущем сезоне. После выполнения обрядов шкуры убитых животных, носы, лапки привязывали к связке семейных «охранителей» с целью обеспечения удачи в охоте. Перед началом рыболовного сезона устраивали обряды, посвящ. первой пойманной рыбе.

Главные праздники оседлых коряков. XIX – начала XX в. посвящены промыслу морских животных. Основные их моменты торжественная встреча и проводы добытых животных. Наиболее важные обрядовые действия, а именно: вынос горячей головни, национального блюда толкуши, «кормление» пойманного животного, развлечение его песнями и танцами, гадание о морской охоте в предстоящем сезоне по лопатке морских животных и толкуше, а также проводы «гостя» выполняли родственники устроителя праздника. С исчезновением китообразных в водах Камчатки основными объектами праздников стали мелкие морские животные, и лишь наличие деревянных и травяных фигурок китов среди др. изображений животных указывало на существование в прошлом праздника кита и обрядов, связанных с ним. После окончания осенних благодарственных праздников оседлые коряки Пенжинской губы закрывали летний вход в жилище и укладывали байдару на зиму. Весной перед спуском байдары на воду и открыванием летнего входа в полуземлянку также исполнялись обряды. У оленных коряков главным был осенний праздник Коянайтаык (буквально перегонять оленей), приуроченные к возвращению стад с летних пастбищ. Он продолжался 3 дня. Празднику предшествовал перенос яранги на новое место, сопровождаемый бескровным жертвоприношением над 3 основными шестами и устройством внутри праздничного очага, огонь для которого добывали с помощью древнего деревянного лучкового снаряда. Важными обрядами были встреча оленей, очищение их от злых духов, разбрасывание жертвенной пищи по сторонам света, «кормление» предметов культа костным мозгом и кровью жертвенных оленей, помазание членов семьи кровью оленей. Вне жилища разжигали очаг и насыпали на его месте маленькие холмики, символизирующие ярангу хозяина оленей. Особое внимание уделяли благодарственному обряду мнэгынын, во время которого души жертвенных оленей отправляли к «хозяину оленей» в верхний мир с надеждой на получение от него телят весной. После зимнего солнцестояния оленеводы праздновали «возвращение солнца», в этот день проводили состязания: гонки на оленьих упряжках, борьбу, бег с палками, набрасывание аркана на движущуюся по кругу цель, подъем по обледенелому столбу. Во время отела устраивали праздник каюю (оленок), коявг'ыёг'ык (олени телятся) или аноан (весна). Почти у всех группах оленных коряков праздник молодого оленя слился с праздником оленьих рогов килвэй. После весенних праздников оленеводы начинали готовиться к летовке. Переход к летнему выпасу сопровождался жертвоприношением оленей «верховному существу» для обеспечения сохранности стада.

Были развиты обряды жизненного цикла свадебные, родильные, похоронно-поминальные. Левират являлся одним из источников многоженства, особенно среди оленеводов. При вступлении в брак в порядке левирата жених не отработывал в хозяйстве тестя и не выполнял обряд «хватания» невесты. Через некоторое время после рождения ребенка проводили обряд наречения имени, тесно связанный с представлениями о переселении душ умерших родственников. Наиболее распространенным способом определения имени было гадание с помощью каменного амулета аняпэль (буквально маленькая бабушка), который подвешивали к концу тонкой палочки, оленеводы к месту соединения 2 оленьих погонялок. Раскачивание его при произнесении имени умершего родственника указывало на то, что имя угадано правильно. После гадания амулет гладили, «кормили», смазывая жиром оленя, в знак благодарности привязывали к ремешкам бусы или нитки бисера. В случае болезни ребенка имя обязательно меняли при помощи того же обряда. Болезнь и смерть коряки приписывали козням злых духов. Для защиты совершали

различные жертвоприношения, обращались к шаманам, пользовались оберегами. Представления о злых духах нашли отражение в похоронно-поминальных обрядах коряков. Погребальную одежду готовили еще при жизни, но оставляли в незаконченном виде, т.к. верили, что имеющий готовую одежду умрет раньше. Ее дошивали крупным, нарочито некрасивым швом, пока покойник находился в жилище. С умершим обращались, как с живым: ставили в изголовье чай и пищу, играли с ним в различные игры. Спать в это время строго запрещалось. Основным способом погребения было сожжение на костре из кедрового стланика. С покойником на костер укладывали его личные вещи, предметы первой необходимости, модель лука и стрел, продукты, подарки умершим родственникам. Двойственное отношение к умершему (не исключалась возможность превращения его во вредоносное существо нинвита) нашло отражение в послепохоронных обрядах, направленных на охрану живых от мертвых: обход места сожжения против солнца, запутывание своих следов, использование амулетов-защитников, закрывание дороги умершему, очищение жилища и т.п. У южных групп береговых коряков, крещенных еще в XVIII в., православный похоронно-поминальный обряд переплетался с традиционными обычаями. Из праздников годового цикла у оседлых карагинских коряков в трансформированном виде сохранился осенний праздник «Хололо». У оленеводов отдаленных поселков севера Корякского автономного округа раз в несколько лет проводится праздник «Коянайтатык». В Олюторском и Пенжинском районах устраивается праздник «Килвэй». Пожилые люди иногда проводят в одно из воскресений июля праздник «Коявг'ыяг'ыйнын» с гонками на оленьих упряжках, «забоем», бегами и т.п. Основные религиозные обряды на праздниках исполняются, как правило, пожилыми женщинами.

Традиционные праздники уступают место новым. В Дне оленевода участвуют все жители поселка, в том числе и оседлые коряки, не имевшие в прошлом отношения к оленеводству. Развлекательная часть включает в себя спортивные состязания (гонки на оленьих и собачьих упряжках, нац. борьбу, бросание аркана, подъем по обледенелому столбу), ярмарку, концерт артистов художественной самодеятельности. Основные жанры повествовательного фольклора коряков мифы и сказки (лымныло), исторические предания и легенды (панэнатво). Записаны на корякском языке также заговоры, загадки, песни со словами (грэп). Наиболее широко распространены мифы и сказки о Куйкыняку (Куткыняку) Вороне. Он предстает и как творец, и как трикстер-проказник. Лымныло о Вороне, его жене Мити, старшем сыне Эмэмкуте и других сыновьях, дочери Йинианэвыт и других дочерях, о более дальних родственниках записаны собирателями во всех корякских селах. В лымныло о Вороне включены сюжеты о животных, а также ритмичные вставки, которые, как правило, произносят мыши или лиса. Бытуют сказки о животных, не связанные с циклом о Вороне. Самостоятельными персонажами в них чаще всего бывают мыши, медведь, собаки, рыбы (особенно бычок), морские звери (чаще нерпа). В сказках действуют злые духи нинвиты и кала. Из перипетий борьбы с ними человек всегда выходит победителем. В исторических повествованиях коряков отражены реальные события прошлого (войны коряков с чукчами, эвенками, межплеменные стычки). Для этого фольклорного жанра, а также для преданий характерны «сюжетные стандарты» (выявлены С.Н. Стебницким): сохраняющиеся и в настоящее время эпизоды изготовления чучела для обмана врагов; обнаружения врагов по дыму, по ночному крику кулика; обмана врагов

ударами по сухой коже; участия женщин (оповещение о приходе врагов, надрезание тетивы вражеских луков) и др.

Легенды обычно связаны с истолкованием топонимов, в том числе и не исконно корякских, таких, например, как Пятибратка, Белоголовое. В рассказах повествуется о традиционных видах хозяйственной деятельности (зачастую почти уже утраченных), о случаях из жизни рассказчика или кого-либо другого. В фольклоре коряков заметны следы заимствований у других народов. Некоторые фольклорные персонажи коряков носят эвенские имена. Из русского фольклора взяты отдельные сюжеты сказка о лисе, притворившейся мертвой и выбросившей, а затем съевшей запас провизии (рыбы, нерпичьего жира) у старика, подобравшего лису «жене на опушку кухлянки»; сказка о Емеле и др. Условия бытования фольклора коряков изменились. В «дописьменный» период сказителя слушали коллективно и подолгу. Ныне при двуязычии и повсеместном действии СМИ слушание фольклора вытесняется на периферию. Фольклор публикуется, фольклорные произведения исполняются по радио, в телепрограммах, на концертных сценах, сказки и загадки включаются в учебники.

Музыка коряков (гайначгочвыгыйнын) представлена 4 сферами: пение, речитирование, горлохрипение на вдохе и выдохе, исполнение на инструментах. Она родственна музыке кереков и чукчей и испытала влияние музыки эвенов и ительменов. Локальные различия в ее стилистике довольно значительны, но изучены неравномерно. Современная музыкальная этнография выделяет в корякской музыке несколько жанрово-стилистических диалектов, которые обнаруживаются при сравнительном сопоставлении мелодий. Лирическое пение (куликул) связано с 2 традициями персонального мелодичного самовыражения: синиткин куликул именная песня и колэяван куликул родовая песня, имеющими локальные и семейные эталоны напевов. В локальной группе обычно бытует несколько родовых мелодий, которые являются мелодич. основой именных песен. Последние создаются трижды в детстве, в зрелости и в старости. Наиболее талантливые носители музыкальных традиции коряки имеют более 10 мелодий и помнят мелодии своих родственников и знакомых. Праздничное исполнение сопровождается игрой на бубне и отличается от интимной звукоподачи возгласной манерой с сигнальными выкриками и свистами. Такое интонирование называется ананьян – воспевание, а пение, сопровождающее танец, кулимьлавк. Игра на бубне при исполнении праздничного пения и танца основана на нескольких ритмоформулах. Эпическое речитирование представлено в виде песенных вставок при исполнении мифических сказаний о Вороне и характеризует мифологические персонажи: Ворона-демиурга, его жену и др. Эти напевы наиболее архаичная часть мелодического наследия коряков. В речитативной манере интонируются также пестушки (чакчичан) именные ласковые обращения к ребенку. С необычной звукоподачей карвэлл'у («мокрая» вибрация маленького язычка в глубине гортани) исполняются колыбельные напевы. Обрядовые песни поются от имени духов, вселившихся в исполнителя-шамана, находящегося в психоделическом состоянии; йурхъайн'эк петь дурным голосом под воздействием мухомора-наркотика (ллаль куликул) или спиртных напитков (ив'иси куликул). «Горловые игры» у коряков известны в форме женского горлохрипения на вдохе и на выдохе, сопровождающего персональные и групповые танцы на сезонных праздниках.

«Горловые игры» создают образы «весенних хоркающих оленях», «чукотских женщин», «гагар», «чаек», «уток» и «моржей», имеют локальные отличия.

Общее корякское название музыкальных инструментов г'эйнэчг'ын. Это же слово обозначает и гобоеобразный духовой инструмент с пищиком из пера и конусным раструбом из бересты, и флейту из борщевика с наружной щелью и без игровых отверстий. Однокоренные названия имеют пищалка из пера птицы (г'йнэвыткунэн), труба из бересты (г'эйнэчг'ыпильгын) и трубомирлитон (г'эйнэткучг'ын). Манковая пищалка в виде тонкой ленты-вибратора между деревянными брусками называется гыткомнан (писк); свисток в виде цилиндра, закупоренного или с сердечниковой щелью, в'эпчанан (применяется как манок и сопровождает танцы с бубном); пластинчатый варган ванныайай; круглый бубен с плоской обечайкой и внутренней крестовидной рукояткой (йайай, или яай) с позвонками на скобе с внутренней стороны обечайки калг'и (калг'икал), различных размеров бубенчики (конкон) и трубчатые конусообразные колокольчики (майнын) используются в качестве погремушки на оленях, на одежде либо в виде специальных погремушек-систров, заменяющих шаманский бубен. Ударный (трубчатый идиофон) из большой оленьей кости называется ампаткита. Вихревой аэрофон пропеллер-жужжалка талатал (локальные названия: тэлытэл, талита, талив) использовался в качестве магического инструмента, вызывающего ветер. Вращаемый аэрофон-«завывалка» вувачъан (уйичвинэн), или камлильвийычг'ын, практикуется уже только как детская игрушка.

Современная корякская музыка развивается в рамках художественной самодеятельности в национальных поселках Палана, Лесная, Карага, Оссора, Тиличики и др. Наряду с традиционными корякскими инструментами популярностью пользуются варган якутского образца (хомус), русская гармонь (баян), балалайка и скрипка. Профессиональная сценическая интерпретация музыки коряков наметилась в репертуаре государственного ансамбля «Мэнго». Наиболее ранние сведения в письменных источниках о танцевальной культуре коряков восходят ко времени освоения русскими землепроходцами Камчатки в XVIII в. У коряков четкое разграничение танцев обрядовых и игровых. Большинство обрядовых основано на подражании, имитации, что связано с анимистическими взглядами коряков. Они олицетворяли весь окружающий мир: горы, камни, растения, море, небесные светила. Имитируя движения добытых зверей и птиц, исполнители как бы одушевляли их, обеспечивая себе покровительство в предстоящем промысле.

В танцах по случаю добытых нерп женщины подражали быстрым и гибким движениям вынырнувшей из глубины моря нерпы, сопровождая свою импровизацию характерными для нерпы хрипящими звуками. В других импровизациях «нерпы» исполнительница толчкообразно двигала бедрами, а шейю проделывала скользящие движения то в одну, то в другую сторону. Танцевальные элементы входили и в обряд проводов нерп. Он исполнялся с лаутэном (пучком травы); количество пучков лаутэна обозначало число добытых хозяином нерп. В обрядовых танцах по поводу добычи лахтака главенствующая роль принадлежала мужчинам: с поднятыми вверх руками они перепрыгивали с одной ноги на другую. Танец по случаю первого добытого волка совершался вокруг подвешенной за передние лапы шкуры зверя; слегка сгибая и разгибая колени, участники двигались вокруг очага, иногда всю ночь. Добыв медведя, устраивали благодарственный праздник. Медвежью шкуру, снятую с головой, раскладывали в юрте. Женщины в

праздничных кухлянках, с наброшенными капюшонами усаживались на пол полукругом лицом к медвежьей голове, каждая по очереди обеими руками брала медвежью голову, издавая при этом звуки, похожие на рев медведя. Когда этот ритуал заканчивался, ведущая вставала и начинала бить в бубен, танцевать и петь. Остальные женщины присоединялись к ней. Они обходили лежащую медвежью шкуру, причем каждая исполняла свою импровизацию, по-своему «веселила» медведя. Обойдя по ходу солнца вокруг шкуры медведя несколько раз, ведущая мелкими ударами в бубен давала знать, что танец окончен. Большинство обрядовых танцев коряки исполняли, двигаясь в незамкнутом кругу по ходу солнца. В основном в них участвовали женщины, в некоторых обязательно пожилые. Мужчины, как правило, аккомпанировали на бубнах и исполняли импровизированные песни. У коряков были не только личные песни, но и личные танцы. Игровые танцы коряков исполнялись в любое время и по любому случаю. Самым распространенным был «Млавытын», в нем участвовали женщины, мужчины, дети. Руки могли принимать самые разные положения (в танцах коряков нет устойчивых, раз и навсегда зафиксированных движений рук), очень подвижными были плечи и бедра. Основные движения сгибание и разгибание ног в коленях, небольшие шаги на полусогнутых ногах, переступание с одной ноги на другую. Исполняли сольно, в паре и группой, как внутри юрты, так и снаружи. У разных территориальных групп коряков «Млавытын» имел локальные варианты. Одни исполняли его плавно, мягко, делая волнообразные движения рук от плеча до кистей, поднимая и опуская плечи. Другая группа предпочитала резкие, синкопированные движения рук, плечей и бедер. В танцах-импровизациях делалось множество разных движений хлопки, вынос ноги вперед, небольшие прыжки с ноги на ногу, пригибание колен, похожее на полуприсядку, корпус держали подчеркнуто прямо, чуть наклонив вперед. У коряков были широко распространены подражательные игровые танцы: «чайки», «утки», «танец ворона», «топорок», «горбуша», «ойе охотник», «хололо», «улляу» и др. Они сопровождалась игрой на бубне, песней, выкриками исполнителей и музыкантов, иногда зрители подбадривали танцоров, выкрикивая: «отя-отя!», «ит-ит!», «оча-оча!», «оло-ло-ло!». Корякские танцы в прошлом и в настоящее время исполняются в праздничной одежде, лицом в сторону востока, что свидетельствует об их былой обрядовой функции. Во многих районах Корякского автономного округа созданы ансамбли песни и танца, в клубах работают танцевальные кружки. Старейший коллектив ансамбль «Молодость». В репертуаре ансамбля сценические танцы «Чайки», «Танец рыболовов», «Нерпы», «Ворон и воронята» и др. В 1967 был создан первый национальный балет-пантомима, названный по имени его маленькой героини «Мэнго» (автор и балетмейстер засл. артист РСФСР А.В. Гиль). В репертуаре ансамбля «Мэнго» ительменские («Ковранские вечерки»), эвенская («Свадьба в тундре»), чукотская («Девушка и пелекены») танцы; неизменным успехом пользуются корякские танцы «Тропинка», «Мужской танец с бубнами», «Рыболовы», «Веселые пастухи», «Ойе ухажер», «Северянка». Визитной карточкой ансамбля «Мэнго» стала хореографическая картинка «Чайки».

Кумандинцы

Кумандинцы (самоназвание кьуманды, кьубанды, кьууанды, кьувандыг) народ, живущий в Алтайском крае, Республике Алтай и Кемеровской области России. Кумандинский язык относится к северно-алтайским языкам (тюркской группы алтайской языковой семьи) или является наречием (диалектом) северно-алтайского языка (кумандинско-челканского). Официально кумандинцы и кумандинский язык признаны отдельными народом и языком. Однако этнографы согласно новой классификации склоняются к отнесению их в состав алтайцев (северно-алтайцев) и северно-алтайского языка (как кумандинское наречие) соответственно. Принято выделять верхних (орё куманды) и нижних (алтына куманды) кумандинцев, проживающих соответственно в верхнем и нижнем течении р. Бия. Традиционные религиозные представления кумандинцев пронизаны различного рода анимистическими представлениями, в рамках которых особо почитаются духи-хозяева воды (суг-эзи), огня (от эне), гор, тайги и пр. Развиты промысловые культы, связанные с испрашиванием благополучного результата в охоте у хозяев тайги (каным, шалыг). Им совершались бескровные жертвоприношения, в основном брагой. Влияние скотоводческих племен нашло отражение в культе коня и одном из его проявлении – жертвоприношении лошади духу-покровителю рода (тайэлга). Среди земледельческих обрядов особое место занимает эротическая игра-обряд кочо-кан. Значительное место в религиозной практике К. занимал шаман (кам) – посредник в общении людей с духами и верховными божествами – Ульгеном и Эрликом. С первой трети XIX в. К. обращены в православие. Однако христианство полностью не вытеснило языческие верования, которые доживают до настоящего времени.

Основу хозяйства кумандинцев составляла сезонная (зимняя) коллективная пешая охота на крупного и пушного зверя. Основным средством передвижения по заснеженной тайге являлись лыжи (шана), подбитые камусом. Существенным дополнением хозяйства являлись также мотыжное земледелие, практиковавшееся на небольших по площади участках, расчищенных от тайги вырубкой и огнем; скотоводство, представленное коневодством и разведением мелкого рогатого скота; собирательство дикоросов и рыболовство. Во второй половине XIX в. под влиянием крестьян у кумандинцев происходят существенные изменения в хозяйстве. Это нашло отражение в использовании более совершенных сельскохозяйственных орудий труда, в распространении пашенного земледелия, молочного животноводства, развитии пасечного пчеловодства и др. Традиционные поселения кумандинцев немногочисленные, с отсутствием четкой планировки, расположенные длинной полосой вдоль рек.

Жилище кумандинцев насчитывает несколько типов: временные промысловые шалаши; полуземлянки с плетеными или срубными стенами и двускатной крышей; небольшие срубные четырехстенные избы; саманные четырехстенные дома.

Мужская одежда кумандинцев состояла из белых холщевых рубах и штанов, поверх которых надевался распашной халат, подпоясывавшийся широким шерстяным поясом (кур). В холодное время года кумандинцы одевали несколько теплых халатов или шубу из овечьих шкур. Головными уборами являлись колпаки, меховые шапки, а с начала XX в. шляпы и фуражки. Обувью мужчинам служили кожаные сапоги с кожаным или холщевым голенищем. Женская одежда состояла из длинных холщевых рубах и штанов, поверх которых надевались платья. Верхней одеждой служили теплые халаты, подпоясывавшиеся

тонкими шерстяными поясами. Головы подвязывались матерчатыми платками. Обувь шилась из кожи (чарык), она скрывала только ступни женщины.

Традиционная утварь кумандинцев в основном собственного изготовления. Она насчитывает несколько типов: металлические котлы (казан) и сковороды, деревянные долбленные чаши (аяк) и корытца для рубки мяса, берестяные цилиндрические туеса, бондарная утварь, веялки (саргааш), каменные зернотерки (пасак) и ручные мельницы (колтербен) и др.

Пища кумандинцев в основном мясная и растительного происхождения. Она включает различные блюда: мясные похлебки (урге, кочо), толокно из поджаренных зерен ячменя (талкан), кушанья из внутренностей домашних и диких животных и др. Напитками служили чай, заваренные на листьях диких растений, молоко, слабоалкогольные напитки по типу браги, молочная водка (арака) и др.

Фольклор кумандинцев представляет собой сплав жанров, характерных как для таежных (шорцы, черканцы), так и для лесостепных (телеуты, южных групп алтайцев) соседей кумандинцев. Самый яркий жанр фольклора героический эпос (кай, кайчорчок), сказания о степных богатырях и ханах, воителях, охотниках и их волшебных конях. Сказитель кайчы начинал сказание речитативом, в дальнейшем мог переходить на собственно кай горловое пение в сопровождении игры на комусе, а отдельные части «исполнять в лицах», меняя голос в зависимости от характера персонажа. Эпическое творчество кумандинцев осталось практически незафиксированным. Полных записей не более полутора десятков, в их числе «Сумер-Тайчы», «Акпомыш»; один из текстов «Диймей-Ару и Шимей-Ару» опубликован. Значительную часть фольклора кумандинцев составляют мифологические рассказы, сказки, исторические предания и легенды, малые фольклорные жанры.

Песенное творчество кумандинцев исследовано мало. Бытовали лирические (узун сарын) и плясовые (такпак) песни. Преобладала сольная форма исполнения. Существовал особый вид игровых хоровых весенних песен (табыр), широко распространенных также среди телеутов. Для колыбельных песен характерны песенный и песенно-речевой типы интонирования, в традициях колыбельных проявляются связи с ассимилированным жанром частушки. В кон. 1980-х нач. 1990-х гг. кумандинской интеллигенцией стали предприниматься попытки возрождения народной культуры. Создана Ассоциация кумандинского народа (первый председатель Л.М. Тукмачев), главный результат ее деятельности включение кумандинцев в официальный перечень малочисленных народов Сибири. Под ред. историка Ф.А. Сатлаева выпущен кумандинско-русский разговорник.

Устное народное творчество кумандинцев, равно как и их искусство, к сожалению, изучено плохо. Наиболее распространенными типами фольклорных произведений являлись в прошлом песенные четверостишья (такпак), различного рода бытовые и волшебные сказки (чорчок), а также эпические произведения (кай). Особое место в культуре кумандинцев занимали мастера-исполнители сказок и эпосов кайчи, и исполнители песен на музыкальном инструменте шор шорчи.

Список используемых источников

1. Алеуты Командорских островов./Гурвич И.С.//СЭ. № 5-1970
2. Очерки по этнографии алеутов./Ляпунова Р.Г.//М.-1975
3. Народы России. Энциклопедия.//М.-1994
4. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы)./Файнберг Л.А.//М.,-1991
5. Алеуты. Очерки этнической истории./Ляпунова Р.Г.//Л.-1987
6. Плетеные изделия алеутов./Ляпунова Р.Г.//Л.// Сб. МАЭ. Т. 31.-1975
7. Иннокентий Вениаминов./Окладников А.П.//М.// Первопроходцы.-1983
8. Святитель Иннокентий Митрополит Московский и Иркутский.//Тальцы. № 1 (5).-1999
9. Зооморфная скульптура алеутов./Ляпунова Р.Г.//Л.//Сб. МАЭ. Т. 24.-1967
10. Алеутские байдарки./Ляпунова Р.Г.//Л.//Сб. МАЭ.Т.22;-1964
11. Орудия охоты алеутов. ./Ляпунова Р.Г.//Л.// Сб. МАЭ. Т. 22.-1964
12. Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX веков). — СПб., 1994. — 122 с.
13. Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.). — Петрозаводск: ПетрГУ, 1996. — 139 с.: ил.
14. Королькова Л. В. Люди леса. — СПб.: Любавич, 2013. — 412 с.
15. Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов / Отв. ред. И. П. Работнова. — Л.: Наука, 1984. — 200 с.
16. Кочуркина С. И. Сокровища древних вепсов. — Карелия, 1990. — 126 с. — ISBN 5-7545-0388-1.
17. Майнов В. Н. Приоятская чудь. (Весь — Вепсы) // Древняя и новая Россия. 1877, т. 2. № 5, с. 38—53; № 6, с. 133—143.
18. Макарьев С. А. Вепсы. Этнографич. очерк. — Л.: Кирья, тип. «Кирьяпая», 1932. — 40 с.
19. Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов, в кн.: Западнофинский сб. Л., 1930
20. Патрушев В. С. Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1992
21. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнич. истории и генезиса культуры. — М.;Л.: Наука, 1965. — 264 с.
22. Проблемы истории и культуры вепсской народности: [Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Пименов]. — Петрозаводск, 1989. — 171 с.

- 24.Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. Спб., 1997.
- 25.Пименов В. В. Вепсы (статья из справочника)
- 26.Вепсы // Народы России. Атлас культур и религий. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-287-00718-8.
- 27.Картография, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-287-00718-8.
- 28.Макарьев С. А. Вепский фольклор // АКНЦ. Ф. 26.
- 29.Строгальщикова З. И. Вепсы. Очерки истории и культуры. Документирование языка, — СПб.: ООО "Издательский дом «Инкери», 2014 г. — 264 с.:
- 30.Долганы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
- 31.Долганы // Сибирь. Атлас Азиатской России. — М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. — 664 с. — ISBN 5-287-00413-3.
- 32.Долганы // Народы России. Атлас культур и религий. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-287-00718-8.
- 33.Долганы // Этноатлас Красноярского края / Совет администрации Красноярского края. Управление общественных связей ; гл. ред. Р. Г. Рафиков ; редкол.: В. П. Кривоногов, Р. Д. Цокаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск: Платина (PLATINA), 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-98624-092-3.
- 34.Д. Цокаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск: Платина (PLATINA), 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-98624-092-3.
- 35.Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т.V., ТИЭ. Т.84. — М.: Издательство АН СССР, 1963. — С.92-141 с.
- 36.Антропова В. В. Расселение ительменов в I половине XVIII в. // Известия геогр. об-ва. — М., 1949. — Т. 81. — Вып. 4.
- 37.Вдовин И. С. Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в.: (По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова) // Страны и народы Востока. — М.: Наука, 1975. — Вып. 17.
- 38.Ительмены: Историко-этнографический очерк / Орлова Е. П., Отв. ред. Ч. М. Таксами. — СПб.: Наука, 1999.
- 39.Ительмены // Сибирь. Атлас Азиатской России. — М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. — 664 с. — ISBN 5-287-00413-3.
- 40.Ительмены // Народы России. Атлас культур и религий. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-287-00718-8.
- 41.Ительменская литература. — М.: Литературная Россия, 2011. — 416 с.
- 42.Шнакенбург Н. Б. Нымьланы-кэрэки // Советский Север. — 1939. — № 3. — С. 96.
- 43.Леонтьев В. В. По земле древних кереков. — Магадан: Магаданское книжное издательство, 1976. — 260 с.

44. Леонтьев В. В. Этнография и фольклор кереков. — М.: Наука, 1983. — 136 с.
45. Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв.: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. И. С. Гурвич. — М.: Наука, 1985. — 239 с.
46. Володин А. П. Керекский язык // Языки народов России. Красная книга / Гл. ред. В. П. Нерознак. — М.: Academia, 2002. — 378 с. — ISBN 5-87444-149-2. — С. 90—93.
47. Кереки // Сибирь. Атлас Азиатской России. — М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. — 664 с. — ISBN 5-287-00413-3.
48. Кереки // Народы России. Атлас культур и религий. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-287-00718-8.
49. Кеты // Сибирь. Атлас Азиатской России. — М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. — 664 с. — ISBN 5-287-00413-3.
50. Кеты // Народы России. Атлас культур и религий. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-287-00718-8.
51. Кеты // Этноатлас Красноярского края / Совет администрации Красноярского края. Управление общественных связей ; гл. ред. Р. Г. Рафиков ; редкол.: В. П. Кривоногов, Р. Д. Цокаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск: Платина (PLATINA), 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-98624-092-3.
52. Коряки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
53. Коряки // Этноатлас Красноярского края / Совет администрации Красноярского края. Управление общественных связей ; гл. ред. Р. Г. Рафиков ; редкол.: В. П. Кривоногов, Р. Д. Цокаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск: Платина (PLATINA), 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-98624-092-3.
54. Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971.
55. Народы Сибири, М. — Л., 1956.
56. Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. М., 1960.
57. Стебницкий С. Н. Нымыланы-алюторцы // Советская этнография, 1938, №1, ст. 129-144
58. Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. СПб.: Наука, 2000.
59. Нагайбаки // Народы России. Атлас культур и религий. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 320 с. — ISBN 978-5-287-00718-8.
60. Народы России: живописный альбом, Санкт-Петербург, типография Товарищества «Общественная Польза», 3 декабря 1877, ст. 538.
61. Вдовин И. С. Коряки-оленоводы на Камчатке в XVIII—XIX вв. // Краевед. записки / Камч. обл. краевед. музей. — Петропавловск-Камчатский, 1970. — Вып. 5.

62.Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. — Л., 1963.

Дыренкова Н.П. Охотничьи легенды кумандинцев // Сборник МАЭ М.; Л., 1949. Т. XI. С. 110-132.

63.Назаров И.И. Время и календарь в традиционной культуре кумандинцев // Сибирь. Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Мат-лы. конф. Барнаул, 2005. С. 58-70.

64.Потапов Л.П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 316-323.

65.Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб.: МАЭ, 2001. 168 с.

66.Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: историко-этнографический очерк (XIX- первая четверть XX в.). Горно-Алтайск: Алт. кн. изд., 1974. - 200 с.

67.Славнин В.Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 132-146.

Содержание

<u>Алеуты</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Алюторцы</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Вепсы</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Долганы</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Ительмены</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Камчадалы</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Кереки</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Кеты</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Коряки</u>	Ошибка! Закладка не определена.
<u>Кумандинцы</u>	63
<u>Список используемых источников</u>	64
<u>Приложение</u>	65

Приложение

1 – Алеуты

2 – Алюторцы

3 – Вепсы

4 – Долганы

5 – Ительмены

6 – Камчадалы

7 – Керекы

8 – Кеты

9 – Коряки

Учебное пособие

Ломакин Владимир Степанович

Этническая хореография.
Малые народы Севера
Часть 1

Учебное пособие разработано с учётом этнографических и культурных особенностей народов, проживающих, в основном, на Крайнем Севере. В нём рассматриваются обычаи, обряды, праздники, танцевальный фольклор северного региона. Пособие предназначено для студентов хореографических специальностей, преподавателей народно-сценического танца в средних и высших учебных заведениях.

Авторская редакция

Саратов 2019